

ЗАПИСКИ ПРОФАНА.

VII.

Двѣсница и шуйца Льва Толстого.

Въ послѣднемъ своемъ романѣ, «Анна Каренина», гр. Левъ Толстой мимоходомъ бросилъ нѣсколько пренебрежительныхъ словъ въ сторону «разговоровъ о социологіи и биологіи». Тѣмъ не менѣе, я прервалъ свою бесѣду о гр. Толстомъ для социологіи, а теперь прерываю бесѣду о социологіи для гр. Толстого, и при этомъ дѣлаю скачки только по внѣшности. Внутренняя же связь моихъ бесѣдъ такова, что, несмотря на все пренебреженіе гр. Толстого къ социологіи, я считаю себя вправѣ поставить вопросъ: который изъ типовъ социологическихъ изслѣдованій гр. Толстой считаетъ правильнымъ? Мы видѣли, что этихъ типовъ два, и, хоть я отнюдь не могу считать различія ихъ вполне исчерпанными (я особенно жалѣю о неудовлетворительномъ изложеніи главы «Борьба за индивидуальность»), но думаю, что нѣкоторые характерные признаки того и другого намѣчены. Одни изслѣдователи принимаютъ за точку отправленія судьбы общества или цивилизаціи, сводятъ задачу науки къ познанію существующаго и не могутъ или не желаютъ дать руководящую нить для практики. Другіе отправляются отъ судьбы личности, полагая, что общество и цивилизація сами по себѣ дѣльны не имѣютъ, если не служатъ удовлетворенію потребности личности; далѣе эти изслѣдователи думаютъ, что наука обязана дать практикѣ нужныя указанія и изучать не только существующее, а и желательное. Какой же изъ этихъ двухъ типовъ социологическихъ изслѣдованій одобряется и который отвергается гр. Толстымъ?

Изучивъ сочиненія этого замѣчательнаго писателя со всѣмъ тщаніемъ, на какое я способенъ, я отвѣчаю: не знаю. И это не потому, что онъ, должно быть, изъ боязни моднаго слова, нѣсколько презираетъ «социологію». Можно всю жизнь говорить прозой, даже не зная слова «проза». Не важно, нравится кому нибудь или нѣтъ слово социологія. Важно то, что всякій, изучающій какое нибудь общественное явленіе, необходимо держится одного изъ двухъ поименованныхъ типовъ социологическаго

исслѣдованія. Надо держаться котораго нибудь одного, потому что они логически исключаютъ другъ друга. Логически—да, но фактически они могутъ уживаться рядомъ, и въ такомъ случаѣ шуйца не будетъ знать, что дѣлаетъ десница, и наоборотъ. Шуйца и десница гр. Толстого находятся именно въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Поэтому-то я и отвѣчаю на свой вопросъ: не знаю. Не знаю, потому что изъ сочиненій гр. Толстого можно извлечь очень рѣзкія сужденія въ пользу обоихъ, логически исключаютъ другъ друга типовъ исслѣдованія. Я представлю читателю сначала десницу гр. Толстого, потомъ шуйцу и, наконецъ, сведу ихъ на очную ставку въ области спора, еще и до сихъ поръ волнующаго сердца нашихъ педагоговъ.

Много лѣтъ тому назадъ гр. Толстой занялся педагогіею и занялся такъ, какъ у насъ очень рѣдко кто занимается своимъ дѣломъ. Онъ не только не принялъ на вѣру какой бы то ни было готовой теоріи образованія и воспитанія, но, такъ сказать, изрылъ всю область педагогическіхъ вопросами. Это зачѣмъ? какія основанія такого то явленія? какая цѣль такого-то? — вотъ съ чѣмъ подходилъ гр. Толстой и къ самой сути педагогическіе, и къ разнымъ ея подробностямъ. Дѣлалъ онъ это съ истинно замѣчательною смѣлостью. Смѣлость бываетъ разнаго рода. Есть смѣлость дикарей, подбѣгающихъ къ самымъ жерламъ направленныхъ на нихъ пушекъ, чтобы затенуть ихъ своими шляпами; это—смѣлость невѣждъ, не имѣющихъ понятія о трудностяхъ предпринимаемаго ими дѣла. Есть смѣлость Угрюмъ-Бурчеевыхъ, смѣлость мраколюбцевъ, почерпаемая въ беззавѣтной ненависти къ свѣту. Есть смѣлость нравственно пустопорожнихъ людей, готовыхъ идти въ любой походъ безъ всякаго умственнаго и нравственнаго багажа, безъ знаній и убѣжденій и не рассчитывающихъ на побѣду, но и въ пораженіи не видающихъ чего нибудь печальнаго или позорнаго. Есть смѣлость отчаянія, когда человѣкъ сознаетъ, что дѣло его проиграно, и бросается въ самый пылъ битвы, чтобы погибнуть. Есть смѣлость бреттеровъ, жаждущихъ борьбы для процесса борьбы. Есть, наконецъ, смѣлость людей, глубоко преданныхъ своему дѣлу и вѣрящихъ, что оно не сегодня завтра восторжествуетъ, что оно должно восторжествовать. Въ виду идеала, который имъ такъ ясенъ и близокъ, имъ не приходится гнаться передъ господствующими мнѣніями; не приходится въ оставленномъ ими храмѣ видѣть все такіе храмъ и въ низверженномъ ими внутри себя кумирѣ все-таки бога. Педагогическія воззрѣнія гр. Толстого—на лицо (они собраны въ IV томѣ его сочиненій), и всякій непредубѣжденный человѣкъ долженъ признать, что смѣлость его была послѣдняго рода. Онъ, напримѣръ, открыто возставалъ противъ университетскаго образованія въ такое время, когда общество цѣнило его очень высоко; но возставалъ, надо замѣтить, совсѣмъ не съ точки зрѣнія Магницкаго, нынѣ у московскихъ ученыхъ опять получающей вѣсъ и значеніе. Онъ отрицалъ университеты не потому, что

болдся свѣта и свободы и не потому, что желать какой нибудь монополіи высшаго образованія, предоставленія его исключительно какому нибудь одному классу общества. Совсѣмъ напротивъ,—онъ находилъ, что университетское образованіе не свободно. Далѣе онъ, напримѣръ, говоря собственно о народныхъ училищахъ, самымъ серьезнымъ образомъ повторялъ вопросъ знаменитой г-жи Простаковой: зачѣмъ нужна географія? Тутъ двойная смѣлость. Смѣло задать этотъ вопросъ, но еще смѣлѣе указать, что онъ былъ уже заданъ однимъ изъ наиболѣе осмѣянныхъ литературныхъ типовъ и сталъ даже нѣкоторой притчей во языцѣхъ. Я убѣжденъ, что ни одинъ, самый завзятый мраколюбецъ, даже полумиѳическій Аскоченскій это сдѣлать не посмѣетъ, а посмѣетъ только человѣкъ свободнаго и пытливаго ума, вложившій свой особенный смыслъ въ вопросъ матери Митрофанушки. Только человѣкъ, поднатый знаніемъ дѣла и любовью къ нему на извѣстную высоту, осмѣлится придать нѣкоторое значеніе вопросу глупой Простаковой и тутъ же рядомъ скептически взглянуть на какое нибудь изрѣченіе весьма ученаго и даже умнаго мужа. Но понятное дѣло, что такая смѣлость и свобода отношеній къ изучаемому предмету не могутъ придтись всѣмъ плечу. Всегда найдутся люди, которые, гоняясь за дешевыми лаврами, высыпать цѣлыхъ три короба либеральныхъ, но не идущихъ къ дѣлу возраженій въ такомъ родѣ: а! такъ значить вы солидарны съ г-жей Простаковой? Поздравляю! Затѣмъ начинается побѣдоносное нашествіе на г-жу Простакову, которое окончивается, разумѣется, побѣдой, а побѣда надъ глупой, грубой и необразованной г-жей Простаковой убѣждаетъ возражателей и кое-кого изъ читателей, что они—необыкновенно умные и высоко образованные люди. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что воззрѣнія, высказанныя гр. Толстымъ самымъ рѣзкимъ, опредѣленнымъ образомъ, но съ подробнымъ мотивированіемъ, въ журналѣ «Ясная Поляна», были встрѣчены неодобрительно. Даже г. Страховъ, котораго трудно представить рядомъ съ гр. Толстымъ иначе, какъ въ колѣнопреклоненной позѣ, даже и тотъ, хотя и погладилъ его по головѣ, но въ значительной степени противъ шерсти. Большинство видѣло въ «ясно-полянскихъ» теоріяхъ, сомнѣніяхъ и вопросахъ только мистической ультра-патріотизмъ и словянофильство, т. е. то именно, что и нынѣ валяютъ господа педагоги на гр. Толстого, какъ шишки на бѣднаго Макара.

Изъ критическихъ статей, вызванныхъ педагогическою ересью «Ясной Поляны», для насъ особенно любопытна статья г. Маркова, появившаяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Любопытна она впрочемъ только потому, что гр. Толстой отвѣтилъ на нее замѣчательной статьёй «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» (Сочиненія, т. IV, 171—215). Статья г. Маркова мнѣ только и известна по отвѣту гр. Толстого, а не считъ нужнымъ ее разъяснять. Я уже упоминалъ о прочно установившейся двойствен-

ной репутаціи гр. Толстого: какъ изъ ряду вонъ выходящаго беллетриста и какъ плохого мыслителя. Эта репутація обратилась уже въ какую-то аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Только силой непрокритикованнаго преданія и можно объяснить, напримѣръ, такой фактъ. Въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности кто-то читалъ отрывокъ изъ ненапечатанной еще тогда второй части «Анны Карениной». «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» немедленно пишутъ (телеграфировать бы надо!), что отрывокъ изумителенъ, превосходенъ, великъ и проч. И въ подтвержденіе приводится такая черта: когда Анна Каренина, уже пораженная стрѣлой Амура, возвращается въ Петербургъ и встрѣчается съ мужемъ, то ей кажется будто у него выросли уши! Корреспондентъ такъ и ставитъ восклицательный знакъ, выражая тѣмъ свое изумленіе передъ психологической глубиной и эстетической силой этой подробности. Бываютъ люди, репутація которыхъ, какъ остроумцевъ, до такой степени установилась, что имъ стѣбитъ только поздравить именинника, разинуть ротъ, мигнуть, попросить стаканъ чаю и т. п., чтобы всѣ присутствующіе пришли въ необычайно веселое настроеніе. Такъ то вотъ и съ гр. Толстымъ. А между тѣмъ, можетъ быть, тотъ же самый корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» считаетъ себя вправѣ смотрѣть на педагогическія теории гр. Толстого сверху внизъ. Это очень возможно, вопервыхъ—потому, что этому соотвѣтствуетъ утвердившаяся репутація гр. Толстого, а вовторыхъ—потому, что холопское униженіе стѣять всегда рядомъ съ холопской заносчивостью. Я не знаю, придется ли мнѣ говорить о гр. Толстомъ, какъ беллетристѣ. Вѣроятно, придется. Здѣсь замѣчу только слѣдующее. Говоря объ немъ, какъ о первоклассномъ художникѣ, обыкновенно подразумеваютъ не только его творческую силу, но и языкъ, сильный, точный, сжатый, выразительный и проч. Вотъ и г. Бунаковъ, въ письмѣ въ редакцію «Семьи и Школы» (1874, № 10), пишетъ, что напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья гр. Толстого есть сплошная нелѣпость и «ложь, написанная увлекательно, остроумно и такимъ прекраснымъ языкомъ, какимъ умѣетъ писать одинъ только авторъ «Войны и мира». Тутъ скрывается все таже двойственная репутація гр. Толстого, которая, однако, какъ и большинство ходячихъ репутацій, далеко не вполне основательна. Читатель, надѣюсь, сейчасъ убѣдится, что первая же статья гр. Толстого, на которую я обращаю его вниманіе, — «Прогрессъ и опредѣленіе образованія», отличается напротивъ рѣдкою трезвостью, ясностью и силою мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, языкомъ крайне неточнымъ, неправильнымъ, а подчасъ и совершенно неумѣльнымъ.

Гр. Толстой далъ слѣдующее опредѣленіе: «Образованіе есть дѣятельность чловѣка, имѣющая своимъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія». Это сказано до такой степени неточно, неправильно,

неуклюже, до такой степени не по русски, что опредѣленіе выходитъ крайне плохое. Однако, тутъ виновата не мысль гр. Толстого, заслуживающая напротивъ большого вниманія, а только его неумѣнье выразить свою мысль. Занявшись практически педагогіей, гр. Толстой пожелалъ найти такое опредѣленіе образованія, которое указывало бы его цѣль и, слѣдовательно, моментъ прекращенія дѣятельности образовывающаго и образовывающагося; опредѣленіе это, далѣе, должно было дать критерій педагогическіи, т. е. нѣкоторую истину, съ высоты которой можно бы было рѣшить вопросъ о томъ, чему и какъ слѣдуетъ учить. Гр. Толстой рассуждаетъ такъ. Въ обществѣ дѣйствуетъ нѣсколько причинъ, побуждающихъ однихъ образовывать, а другихъ образовываться. Возьмемъ сначала дѣятельность образовывающагося, ученика. Онъ можетъ учиться для того, чтобы избѣжать наказанія,—это, по опредѣленію гр. Толстого, «ученіе на основаніи послушанія»; для полученія награды или для того, чтобы быть лучше другихъ,—«ученіе на основаніи самолюбія»; для полученія выгоднаго положенія въ свѣтѣ,—«ученіе на основаніи матеріальныхъ выгодъ и честолюбія». Гр. Толстой все тѣмъ же неточнымъ и неуклюжимъ языкомъ утверждаетъ, что «на основаніи этихъ трехъ разрядовъ строились и строятся различныя педагогическія школы: протестантскія—на послушаніи, католическія іезуитскія—на основаніи соревнованія и самолюбія, наши русскія—на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія». Могутъ ли быть эти основанія введены въ науку? Нѣтъ, отвѣчаетъ гр. Толстой, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ: 1) «при такихъ основаніяхъ нѣтъ общаго критеріума педагогическіи,—и богословъ, и естествоиспытатель одновременно считаютъ свои школы непогрѣшительными, а не свои школы положительно вредными»; 2) потому, что, при системѣ образованія, построенной на одномъ изъ перечисленныхъ началъ, приобрѣтаются привычка послушанія, раздраженное самолюбіе и матеріальныя выгоды; но это, конечно, не суть прямыя цѣли образованія». Дѣятельность образовывающаго также управляется различными мотивами, изъ которыхъ главные: «желаніе сдѣлать людей такими, которые были бы для насъ полезны (помѣщики, отдававшіе дворовыхъ въ ученье и въ музыканты, правительство, приготавлиющее для себя офицеровъ, чиновниковъ и инженеровъ)»; послушаніе и матеріальныя выгоды; самолюбіе; «желаніе сдѣлать другихъ людей участниками въ своихъ интересахъ, передать имъ свои убѣжденія и съ этою цѣлью передать имъ свои знанія». Только этотъ послѣдній мотивъ, только побужденіе учителя уравнивать съ собой знанія ученика и соотвѣтственное побужденіе ученика сравнивать въ знаніи съ учителемъ—гр. Толстой признаетъ достойнымъ лечь во главу угла науки педагогіи. Какъ только образовывающій передалъ свои знанія образовывающемуся,—цѣль образованія на данномъ пунктѣ достигнута: ученіе мо-

жетъ идти дальше, искать новыхъ учителей, но учитель свое дѣло сдѣлалъ, т. е. прямое, непосредственное дѣло образованія. Но равенство знаній можетъ быть достигнуто не на низшей, а только на высшей ступени знанія «по той простой причинѣ, что ребенокъ можетъ узнать то, что я знаю, а я не могу забыть того, что я знаю; и еще потому, что мнѣ, можетъ быть, извѣстенъ образъ мысли прошедшихъ поколѣній, а прошедшимъ поколѣніямъ не можетъ быть извѣстенъ мой образъ мысли». Это-то и есть «неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія». Вотъ что хотѣлъ сказать гр. Толстой своимъ неуязвимымъ опредѣленіемъ образованія.

Я желалъ бы выяснитъ шуйцу и десницу гр. Толстого по возможности независимо отъ педагогики и затѣмъ уже приложить найденное къ спору гр. Толстого съ педагогами. Приѣмъ этотъ кажется мнѣ потому удобнымъ, что мы сразу получимъ, такимъ образомъ, руководящую нить, и намъ не нужно будетъ долго за-сѣживаться на мелочахъ и частностяхъ текущей педагогической распри, которыя выяснены уже достаточно. Тѣмъ не менѣе, обойти на этотъ разъ педагогику совсѣмъ—не представляется никакой возможности. Я долженъ привести, теперь же по крайней мѣрѣ, одинъ выводъ, который дѣлеть гр. Толстой изъ своего опредѣленія образованія, собственно для того, чтобы показать, что опредѣленіе это есть не бесплодная экскурсія въ область отвлеченной мысли. На основаніи своего опредѣленія образованія, гр. Толстой считаетъ возможнымъ указать слѣдующую цѣль науки педагогики: она должна изучать условія, благоприятствующія и препятствующія совпаденію стремленій образовывающихся и образующихся въ одной общей цѣли. Этого-то совпаденія, по мнѣнію гр. Толстого, и нѣтъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Народъ хочетъ учиться, правительства и частныя лица хотятъ его учить, но стремленія эти не имѣютъ до сихъ поръ общей точки, не совпадаютъ. Отсюда всѣ трагикомическія подробности народнаго образованія. Для устраненія ихъ нужно одно—полная свобода для образовывающихся выбора программы ученія. Къ этому послѣднему результату приводятъ гр. Толстого и нѣкоторыя другія соображенія. Но для насъ пока достаточно и связаннаго.

Замѣчательно, что упомянутая статья «Русскаго Вѣстника» (г. Маркова) направлена, какъ можно судить по цитатамъ гр. Толстого, не столько противъ приведеннаго опредѣленія образованія и выводовъ изъ него, сколько противъ самой задачи гр. Толстого. Г. Марковъ считаетъ нелѣпными самыя вопросы о цѣли и критеріѣ педагогики. Онъ пишетъ: «Ясную Поляну» смущаетъ то обстоятельство, что въ различныя времена люди учать различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по своему, Песталоцци опять по своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогики и на этомъ основаніи отвергаетъ педагогику. А мнѣ кажется, она са-

ма указала на этот необходимый критериумъ, приводя упомянутые примѣры. Критериумъ—въ томъ, чтобы учить, сообразаясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ созданиемъ своего вѣка, думалъ его мыслию и дѣйствовалъ по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому не нужное явленіе,—пришелецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. То же и съ Руссо и всякимъ другимъ. Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накипѣвшую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношений. Это была неизбежная реакція противъ версальскаго склада жизни; и, если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее,—не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальныя массы (?) переродить человечество, деклараціи правъ, Карлы Мооры и все подобное... Мнѣ непонятно, чего бы хотѣлъ гр. Толстой отъ педагогій. Онъ все о крайней цѣли, о неизбѣжномъ критериумѣ хлопочетъ. Нѣтъ этихъ—такъ, по его мнѣнію, не нужно никакихъ. Отчего же не вспомнить онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ, конечно, не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критериума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критериумъ, въ молодости другіе, теперь опять новые и такъ далѣе».

Вотъ образецъ соціологическаго изслѣдованія перваго типа, того самаго, подъ который подходят и «Изученіе соціологій» Спенсера, и изслѣдованіе эмиграціи, представленное редакціей «Сборника государственныхъ знаній». Здѣсь на лицо всѣ признаки этого рода изслѣдованій. Г. Марковъ принимаетъ за точку отправленія судьбы общества или цивилизаціи и предлагаетъ учить и учиться не тому, что тотъ или другой учитель или ученикъ считаетъ нужнымъ, полезнымъ, избраннымъ, а тому, что «соотвѣтствуетъ потребностямъ времени», т. е. потребностямъ извѣстнаго историческаго момента. вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Марковъ сводитъ задачу науки къ познанію существующаго, такъ какъ отвергаетъ надобность и возможность для педагога подняться выше существующаго порядка вещей или вообще какъ нибудь отъ него отклониться. Тѣмъ самымъ, наконецъ, г. Марковъ отказывается дать руководящую нить практикѣ. Сказать: учите, сообразаясь съ потребностями времени,—значитъ ничего не сказать, потому что потребности времени остаются не выясненными. Я впрочемъ не намѣренъ утомлять читателя собственнымъ своимъ разборомъ мнѣній г. Маркова, впервыхъ—потому, что не въ нихъ совсѣмъ дѣло, а вторыхъ—потому, что я не служилъ

бы сдѣлать этотъ разборъ лучше гр. Толстого. Въ своемъ отвѣтѣ г. Маркову онъ стойтъ на истинно философской высотѣ, и, если бы не портили дѣла нѣкоторыя частности, почти исключительно зависящія отъ неправильности и неточности выражений, статья «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» была бы безукоризненна во всѣхъ отношеніяхъ.

«Со времени Гегеля и знаменитаго афоризма: «что исторично, то разумно»—говоритъ гр. Толстой—въ литературныхъ и изустныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся историческое воззрѣніе. Вы говорите, напримѣръ, что человѣкъ имѣетъ право быть свободнымъ, судиться на основаніи только тѣхъ законовъ, которые онъ самъ признаетъ справедливыми, а историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстный историческій моментъ, обуславливающій извѣстное историческое законодательство и историческое отношеніе къ нему народа. Вы говорите, что вы вѣрите въ Бога, — историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстныя религиозныя воззрѣнія и отношенія къ нимъ человѣчества. Вы говорите, что Иліада есть величайшее эпическое произведеніе, — историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что Иліада есть только выраженіе историческаго сознанія народа въ извѣстный историческій моментъ. *На этомъ основаніи историческое воззрѣніе не только не споритъ съ вами о томъ, необходима ли свобода для человѣка, о томъ, есть или нѣтъ Бога, о томъ, хороша или не хороша Иліада, не только ничего не дѣлаетъ для достиженія той свободы, которой вы желаете, для убѣжденія или разубѣжденія васъ въ существованіи Бога или въ красоту Иліады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ занимаютъ въ исторіи; оно только сознаетъ, но не сознаетъ не путемъ непосредственнаго сознанія, а путемъ историческихъ умозаключеній.* Скажите, что вы любите или вѣрите во что-нибудь, — историческое воззрѣніе говоритъ: любите и вѣрьте, и ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣніи. Пройдутъ вѣка, и мы найдемъ то мѣсто, которое вы будете занимать въ исторіи; но впередъ знайте, что то, что вы любите, не безусловно прекрасно, и то, во что вы вѣрите, не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дѣти, — ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто и приложеніе. Къ какому хотите понятію стѣдить только приложить слово историческое, — и понятіе это теряетъ свое жизненное, дѣйствительное значеніе и получаетъ только искусственное и неплодотворное значеніе въ какомъ-то искусственно составленномъ историческомъ міросозерцаніи».

Вообще не надо быть педантомъ, чтобы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановиться передъ этими невозможными «не только а только», «только сознаетъ, но сознаетъ не путемъ сознанія» и т. п., испещряющими рѣчь знаменитаго русскаго писателя. Но

Богъ съ нимъ, съ языкомъ гр. Толстого. Я упоминаю объ немъ только для того, чтобы лишній разъ обратить вниманіе читателя на неосновательность ходячихъ репутаций. Больше я этой скучной матеріи касаться не буду. Читатель предупрежденъ и не станетъ строить какіе-либо выводы на отдѣльныхъ выраженіяхъ гр. Толстого, которыя, своею грамматическою неуклюжестью и логическою неправильностью, слишкомъ часто только затемняютъ. даже извращаютъ мысль автора. Будемъ слѣдить только за мыслью гр. Толстого. Она этого стѣдитъ, по крайней мѣрѣ, съ моей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія профана, потому что изъ приведенныхъ неуклюжихъ строкъ такъ и бьетъ тотъ духъ жизни, который намъ, профанамъ, дороже всего. Очевидно, что суть протеста гр. Толстого противъ того, что онъ называетъ историческимъ воззрѣніемъ, сосредоточивается въ подчеркнутыхъ мною словахъ. Значенія историческихъ условий, какъ факторовъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности, гр. Толстой вовсе не отрицаетъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что Иліада, извѣстныя понятія о божествѣ, извѣстный общественный строй суть продукты историческихъ условий. Но онъ хочетъ не только знать, какое мѣсто въ исторіи занимаютъ его идеалы: онъ хочетъ жить ими и слѣдовательно знать ихъ настоящую, теперешнюю цѣну, независимо отъ исторіи. Въ другомъ мѣстѣ гр. Толстой говоритъ весьма опредѣлительно: «Статья «Русскаго Вѣстника» думаетъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условий. Мы думаемъ, что эти слова не имѣютъ смысла, во-первыхъ потому, что *изъять изъ-подъ историческихъ условий нельзя ничего ни на дѣлѣ, ни даже въ мысляхъ.* Во-вторыхъ потому, что ежели открытіе законовъ, на которыхъ строилась и должна строиться школа, есть, по мнѣнію г. Маркова, изъятіе изъ-подъ историческихъ условий, то мы полагаемъ, что *наша мысль, отерывшая извѣстные законы, дѣйствуетъ тоже въ историческихъ условіяхъ,* но что нужно опровергнуть или признать самую мысль путемъ мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвѣчать на нее тою истиною, что мы живемъ въ историческихъ условіяхъ». Изъ этого видно, что г. Марковъ совершенно понапрасну разсыпалъ цѣты своего краснорѣчія. Гр. Толстому очень хорошо извѣстна сила историческихъ условий. Она ему извѣстна даже лучше, чѣмъ г. Маркову, или, по крайней мѣрѣ, соображенія о ней проводятся гр. Толстымъ дальше и слѣдовательнѣе. Предполагая даже, что потребности времени суть нѣчто для всѣхъ ясное и опредѣленное, я, съ точки зрѣнія все той же силы историческихъ условий, имѣю полное право возставать противъ этихъ потребностей времени, признавать ихъ ложными, дрянными, желать ихъ измѣненія, дѣлать соотвѣтственныя усилія и проч. Потому что, если во мнѣ зародились извѣстныя сомнѣнія и желанія, такъ вѣдь они не съ неба свалились, они тоже опредѣлены историческими условіями. И если мои сомнѣнія и желанія признаются вѣмъ-нибудь неосновательными,

то оппонентъ мой долженъ оставить историческія условія въ покоѣ и представить какіе-нибудь иные аргументы «отъ разума» или «отъ опыта». Историческими условіями можно оправдать всякую нелѣпость и всякую мерзость, для чего нѣтъ никакой надобности въ длинныхъ разсужденіяхъ, къ которымъ любятъ прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ: довольно указать на существованіе нелѣпости или мерзости,—тѣмъ самымъ они уже оправданы. Но это будетъ, собственно говоря, не оправданіе, а празднословіе, очень удобно опрокидываемое нѣсколькими словами; тѣми самыми словами, которыя сказалъ гр. Толстой: человекъ, стремящійся стереть съ лица земли существующія нелѣпости и мерзости, есть тоже продуктъ исторіи. Противъ этого аргумента возраженій нѣтъ. Въ своемъ отвѣтѣ г. Маркову, гр. Толстой поставилъ и разрѣшилъ (я не говорю, что это не было дѣлаемо другими, задолго до гр. Толстого) теоретическій вопросъ высочайшей важности. Большихъ усилій стоило людямъ убѣдиться, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, что и ихъ, людскія, дѣйствія, мысли, желанія, чувства возникаютъ въ концѣ извѣстнаго ряда явленій, смѣняющихъ другъ друга съ физическою необходимостью. Убѣжденіе это завоевывалось шагъ за шагомъ, пробивая себѣ дорогу сквозъ цѣлый лѣсъ предрассудковъ. И только въ сравнительно недавнее время оно восторжествовало, благодаря соединеннымъ усиліямъ статистиковъ, историковъ, психологовъ, физиологовъ, философовъ. Но, къ сожалѣнію, мысль о «законосообразности» человѣческихъ дѣйствій, не успѣвъ даже намѣтить весь кругъ своихъ результатовъ, уже успѣла заразиться двумя исконными наследственными недугами человѣчества, — фатализмомъ и оптимизмомъ. Удивляться надо, въ самомъ дѣлѣ, какія это цѣккія и прилипчивыя болѣзни. Трудно даже найти въ исторіи мысли теорію, которая не была бы, хоть на короткое время, покрыта злокачественною и отвратительною сыпью оптимизма и фатализма. А идея необходимости или законосообразности человѣческихъ дѣйствій находится въ условіяхъ, особенно благоприятныхъ для зараженія. Фатализмъ есть ученіе или взглядъ, недопускающій возможности вліянія личныхъ усилій на ходъ событій. Понятное дѣло, что этому взгляду очень удобно заразить собой теорію необходимости человѣческихъ дѣйствій. Каждый изъ насъ, жалкихъ дѣтшищъ вращающагося во вселенной ничтожнаго комка грязи, называемаго землей, есть нѣчто въ родѣ шашки, которую сила событій передвигаетъ съ одной клѣтки шахматной доски на другую. Шашка можетъ имѣть въ ходѣ игры важное и неважное значеніе, но она жестоко ошибается, когда думаетъ, что сама становится на такую-то клѣтку и могла бы, еслибы захотѣла, стать на другую. Въ такомъ родѣ разсуждаютъ многіе статистики, историки и другіе ученые люди не только въ теоретической области познанія существующаго, а и въ прагматической сферѣ жизни. Намъ, профанамъ, эти разсужденія глубоко противны; мы ихъ не можемъ переварить. И когда ученые люди

говорятъ намъ съ презрительно снисходительнымъ видомъ: «что-жь дѣлать! наука не можетъ сказать ничего инаго»,—мы отвѣчаемъ: «что-жь дѣлать! эта наука насъ не удовлетворяетъ». Но мы замѣчаемъ, что она не удовлетворяетъ не только насъ, а и самихъ ученыхъ людей. Напримѣръ, ученые люди говорятъ и пишутъ другъ другу панегирики. За что? вѣдь не пишутъ же они панегириковъ камню, падающему на землю сообразно законамъ тяжести, и травѣ, начинающей весной зеленѣть на лугахъ. Ученое открытіе есть такое же звѣно извѣстной цѣпи причинно связанныхъ явленій, какъ и ростъ травы и паденіе камня; оно не можетъ появиться раньше осуществленія извѣстныхъ историческихъ условий, и ученый, сдѣлавшій открытіе, есть опять-таки не больше, какъ шапка, поставленная ходомъ игры на опредѣленную клітку. Ученые люди бранятъ наше невѣжество и стараются просвѣтить насъ. За что бранятъ и зачѣмъ стараются? Одну шапку также мало резонно бранить, какъ другой шапкѣ мало резонно стараться. Очевидно, что есть сферы мысли, въ которыхъ теорія необходимости нашихъ дѣйствій, ихъ полнѣйшей зависимости отъ данныхъ историческихъ условий, удовлетворяетъ человѣческую природу, но есть и такія, гдѣ она равно неудовлетворяетъ и ученыхъ, и неученыхъ людей, гдѣ теорія историческихъ условий на каждомъ шагѣ путается въ противорѣчій и сама себя закалываетъ. Это—сфера практической мысли. Заднимъ числомъ, конечно, можно доказать, что Лютеръ, напримѣръ, только потому и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что «самъ былъ созданиемъ своего вѣка, думалъ его мыслью и дѣйствовалъ по его вкусу». Совершенно справедливо, что, не будь у него многочисленныхъ и многостороннихъ связей съ своимъ временемъ и своимъ народомъ, онъ пролетѣлъ бы какъ падающая звѣзда. Но дѣло въ томъ, что, еслибы самъ Лютеръ не вѣрилъ, что думаетъ *своею собственною* мыслью и дѣйствуетъ по *своему собственному* вкусу, то реформацію поднать бы не онъ, а кто-нибудь другой. Пусть, связанный историческими условиями по рукамъ и по ногамъ, Лютеръ обманывался, думая, что онъ свободно выбралъ себѣ цѣль,—этотъ обманъ неизбѣженъ въ практической дѣятельности: онъ есть одинъ изъ необходимыхъ факторовъ тѣхъ самыхъ историческихъ условий, незыблемость которыхъ провозглашаютъ фаталисты. Гордые ученые и вдвое болѣе гордые полуученые люди очень любятъ восклицать: безъ обмана! Восклицаніе это, конечно, очень хорошее и способное собрать вокругъ восклицателя толпу людей съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ. Но отчего же гордые ученые и вдвое болѣе гордые полуученые люди не подумаютъ о томъ, что наиболѣе разработанныя отрасли физической науки допускаютъ иногда завѣдомый обманъ и не конфузятся этого? Метафизики говорятъ: реальный міръ есть обманъ. Наиболѣе разработанныя отрасли физической науки говорятъ: обманъ—такъ обманъ, намъ до этого дѣла нѣтъ, мы признаемъ данный міръ существующимъ, потому что того требуютъ условия

человѣческой природы, а, можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ обманъ. Наиболѣе разработанныя отрасли физической науки вводятъ въ свои построения такихъ гипотетическихъ дѣятелей, которыхъ себѣ вполне ясно даже представить нельзя; это—обманы, но наука держится ихъ, потому что въ настоящую, по крайней мѣрѣ, минуту ничто, кромѣ нихъ, не даетъ возможности ориентироваться въ извѣстныхъ рядахъ фактовъ. Почему же это науки разработанныя не боятся обмана въ такой мѣрѣ, какъ науки (если только это—науки) социальныя, въ которыхъ кто во чтѣ гораздъ, въ которыхъ сколько головъ, столько умовъ, въ которыхъ нѣтъ почти ничего прочнаго, установившагося, общепринятаго? Да именно оттого, я думаю, что то—науки разработанныя, а это—такъ, что-то въ родѣ наукъ. Вполнѣ свѣтскій человѣкъ можетъ себѣ позволить нѣкоторыя уклонения отъ установившихся въ его кругу нравовъ и обычаевъ и сдѣлаетъ такъ, что уклонения эти не только не будутъ колоть глаза, но даже усиливать основной тонъ принятаго порядка. Неофитъ, напротивъ, человѣкъ неопытный, не слившійся всѣмъ своимъ существомъ съ извѣстной общественной атмосферой, будетъ держаться каждой буквы свѣтскаго кодекса, но именно эти его старанія и изобличатъ въ немъ человѣка неопытнаго и неофита. Такъ же и съ наукой. Давно ли у насъ, на примѣръ, такъ много толковали о необходимости индуктивнаго метода и крайней вредности дедуктивнаго. Между тѣмъ, какъ разъ въ это время истинные ученые, хотъ и не очень гордые, съ величайшимъ успѣхомъ примѣняли дедуцію и двигали ею науку исполинскими шагами впередъ. Они уже прошли ту ступень развитія, на которой индукція признавалась единственнымъ научнымъ методомъ, и прилагали къ дѣлу, смотря по условіямъ своихъ задачъ, то наведеніе, то выводъ. Эти же истинные, хотъ и не очень гордые ученые рассуждаютъ такъ: обманъ—вещь нехорошая, но, если ужъ въ томъ или другомъ случаѣ безъ него, по условіямъ человѣческой природы, обойтись нельзя, такъ дѣлать нечего; надо только помнить, что это—обманъ, введенный въ изслѣдованіе съ опредѣленною цѣлью и что мы имѣемъ право пользоваться имъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ и подъ опредѣленными условіями. Очевидно, что допущенный въ науку въ такомъ видѣ обманъ даже перестаетъ быть обманомъ и становится просто орудіемъ науки. А гордые социологи продолжаютъ восклицать: безъ обмана! Не желая уподобляться Кифѣ Мокіевичу, я не стану рассуждать о томъ, что было бы, еслибы люди дѣйствительно перестали обманываться насчетъ свободы своей дѣятельности. Но вотъ что я могу сказать, не боясь быть опровергнутымъ ученѣйшими изъ ученыхъ: въ моментъ дѣятельности я сознаю, что ставлю себѣ цѣль свободно, совершенно независимо отъ вліянія историческихъ условій; пусть это—обманъ, но имъ движется исторія; я признаю, что и сосѣди мои выбираютъ себѣ цѣли жизни свободно; на этомъ только и держится возможность личной ответственности и

нравственного суда, которыхъ нельзя же вычеркнуть изъ чело-
вѣческой души. Дѣйствительно, ихъ вычерпнуть нельзя, надо
признать ихъ существованіе, а между тѣмъ они находятся въ
противорѣчьи съ познаніемъ причинной связи явленій. Прихо-
дится осуждать то, что въ данную минуту не можетъ не суще-
ствовать. Какъ тутъ быть? Это противорѣчіе извѣстно съ очень
давнихъ поръ и много умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и неученыхъ
головъ билось надъ его разрѣшеніемъ. Эти головы придумали
три выхода. Одни, закалая на алтарѣ познанія причинной свя-
зи явленій личную отвѣтственность, совѣсть и нравственный
судъ, стоятъ на своемъ: безъ обмана! Но это—не выходъ, потому
что чувство отвѣтственности, совѣсть и потребность нравствен-
наго суда суть вполне реальныя явленія психической жизни,
допускающія наблюденіе и вообще научные приемы изслѣдованія;
они до такой степени реальны, что сами жрецы познанія не
чужды имъ въ моментъ жертвоприношенія: они произносятъ
нравственный судъ и сознаютъ свое жертвоприношеніе дѣй-
ствіемъ свободнымъ. Другіе приносятъ, напротивъ, въ жертву при-
чинную связь явленій, утверждая, что человѣкъ свободенъ. Если
это—и выходъ изъ затрудненія, то, во всякомъ случаѣ, онъ не мо-
жетъ быть принятъ наукой, потому что совершенно свободныхъ
явленій познавать нельзя, а наука только познаетъ. Третьи, на-
конецъ, признавая противорѣчіе между свободою и необходи-
мостью неразрѣшимымъ по существу, говорятъ, что иногда мы
должны признавать челоуѣческія дѣйствія свободными, а иногда
необходимыми. Къ числу этихъ третьихъ принадлежитъ и гр.
Толстой. На первый взглядъ, это—рѣшеніе самое неудовлетвори-
тельное, наименѣе научное, потому что ему недостаетъ един-
ства и послѣдовательности. Но это только на первый взглядъ.
Вы идете въ мѣсто, лежащее на западъ отъ васъ; по дорогѣ
вы натываетесь на пропасть, которую обходите, уклоняясь къ
сѣверу, потомъ круто сворачиваете къ югу, потому что прямо
передъ вами непроходимое болото: несмотря на эти отклоненія
отъ пути на западъ, вы идете единственной вѣрной дорогой,
потому что, направляясь по вороньему, все прямо, вы провали-
тесь, утонете и вообще не дойдете до цѣли своей прогулки.
Такъ и единство и послѣдовательность въ наукѣ состоятъ во-
все не въ томъ, чтобы всегда и вездѣ употреблять одни и тѣ
же приемы изслѣдованія, а въ томъ, чтобы всегда и вездѣ смо-
трѣть на вещи такъ, какъ того требуютъ условія научной зада-
чи. Этимъ достигается не только единство науки, но, что всего
важнѣе, и примиреніе науки съ жизнью. Поставьте только себя
въ положеніе гр. Толстого. Онъ поставилъ себѣ жизненную, жи-
вую цѣль, работаетъ для нея, наконецъ, какъ ему кажется, до-
стигъ ея: узналъ, чему и какъ слѣдуетъ учить. Вдругъ являет-
ся ученый человѣкъ, г. Марковъ, и говорить: какимъ вы одна-
ко вздоромъ занимаетесь! развѣ вы можете придумать какое ни-
будь свое собственное рѣшеніе этого вопроса, независимое отъ

историческихъ условий, въ которыхъ вы живете? Понятно ли читателю все безобразіе этого рипоста г. Маркова, хотя въ основаніи его лежитъ несомнѣнная истина гр. Толстой, какъ и всякій другой, не можетъ вылѣзти изъ историческихъ условий. Дѣло въ томъ, что въ словахъ г. Маркова есть истина, но она пристраивается имъ совсѣмъ не къ мѣсту. Это часто бываетъ, что ученые люди суютъ несомнѣнныя истины не туда, гдѣ имъ нужно быть. Очки—превосходная вещь, но, когда маргышка надѣвала ихъ себѣ на хвостъ, она дѣлала большую ошибку. Мы, профаны, считаемъ своимъ священнѣйшимъ правомъ, котораго у насъ отнять никто не можетъ, право нравственного суда надъ собой и другими, право познанія добра и зла, право называть мерзавца мерзавцемъ. Законосообразность человѣческихъ дѣйствій есть великая истина, но она не должна посягать на это право, хотя бы уже потому, что она съ нимъ ничего не подѣляетъ. Въ этой импотенціи не къ мѣсту пристроенной истины заключается собственно комическая сторона ученыхъ набѣговъ на наше право называть мерзавца мерзавцемъ. Не будь ея, этой комической стороны, можно было бы ужаснуться тому неслыханному насилію надъ человѣческой личностью, которое позволяютъ себѣ нѣкоторые ученые люди, стараясь убѣдить насъ, что мерзавецъ есть только продуктъ исторіи и что мы не смѣемъ даже помыслить о дѣятельности по собственному вкусу, независимо отъ «историческихъ условий» и «потребностей времени». Дыба, испанскій осель, нюрнбергская желѣзная дѣвица, всѣ ужасы иневиэициіи и русскихъ застѣнковъ были бы милыми игрушками въ сравненіи съ этимъ насиліемъ, еслибы только оно могло когда нибудь переселиться изъ области словоизверженія въ область живой дѣйствительности. Теперь духъ насилія выражается только тѣмъ, что, какъ очень неправильно по формѣ, но очень мѣтко и вѣрно говоритъ гр. Толстой, «историческое воззрѣніе не только не спорить съ вами о томъ, необходима ли свобода для человѣка, о томъ есть или нѣтъ Бога, о томъ хороша или не хороша Иліада, не только ничего не дѣлаетъ для достиженія той свободы, которой вы желаете, для убѣжденія или разубѣжденія васъ въ существованіи Бога или въ красотѣ Иліады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ занимаютъ въ исторіи». Это—несомнѣнное выраженіе духа насилія. Историческій воззритель, если такое существительное возможно, только потому стремится отравить вамъ извѣстное наслажденіе, что самъ онъ не способенъ его оцѣнить. Собственныя свои цѣли онъ преслѣдуетъ такъ, какъ будто бы они имѣли вѣчную, непреходящую цѣну. Вонъ, напримѣръ, Спенсеръ сочиняетъ социологію, которая должна остаться истинною даже въ отдаленнѣйшемъ вракѣ будущаго, а радикалу и торію говорить: благословляю васъ на всѣ ваши глупости, потому что они свое опредѣленное мѣсто въ исторіи займутъ; вы оба врете, но ничего, продолжай-

те, законами исторіи предписано вамъ обоимъ нѣсколько времени повратъ и затѣмъ умолкнуть. Ясно, что Спенсеръ потому только можетъ такъ относиться къ радикалу и торію, что ему совершенно чужды волнующіе ихъ интересы, что ему рѣшительно все равно, восторжествуетъ ли которыйнибудь изъ нихъ, и вообще все равно, какъ пойдутъ дѣла, о которыхъ спорятъ торій и радикаль. Когда рѣчь идетъ о скверныхъ каминныхъ щипцахъ и неудобныхъ аптекарскихъ стьянкахъ, Спенсеръ совершенно измѣняетъ тонъ: онъ не говоритъ, что скверныя щипцы займутъ свое мѣсто въ исторіи, онъ просто говоритъ, что щипцы скверны, потому что относятся къ щипцамъ и стьянкамъ, какъ живой человѣкъ. Величественныя запрещенія исвать чегонибудь, не помышляя объ историческихъ условіяхъ, и столь же величественныя дозволенія врать, сообразно историческимъ условіямъ, сутьprodukte умственной мертвечины, мертвеннаго отношенія къ явленіямъ.

Итакъ, значеніе историческихъ условій, какъ факторовъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности, несомнѣнно, но столь же несомнѣнно право и возможность для личности судить о явленіяхъ жизни безъ отношенія къ мѣсту ихъ въ исторіи, а сообразно той внутренней цѣнности, которую имъ придаетъ та или другая личность въ каждую данную минуту. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ условій человѣческой природы. Противорѣчіе между необходимостью и свободой по существу неразрѣшимо, и мы должны попеременно опираться то на ту, то на другую. Когда на одну, когда на другую? Гр. Толстой отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ статьѣ «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Но рѣче и рельефнѣе выходитъ отвѣтъ, данный въ много осмѣянномъ одними и много расхваленномъ другими философскомъ приложеніи къ «Войнѣ и миру». Тамъ есть рядъ опредѣленій, изъ которыхъ я приведу слѣдующія два: «Дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятіе о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы?—вотъ вопросъ права. Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ, дѣйствующихъ на него. Чтѣ такое есть совѣсть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающихъ изъ сознанія свободы?—вотъ вопросъ этики». (Сочиненія, VIII, 166). Въ русской литературѣ мнѣ извѣстна только одна постановка вопроса о необходимости и свободѣ человѣческихъ дѣйствій, совпадающая съ постановкою гр. Толстаго и неуступающая ей въ ясности и категоричности. Она сдѣлана однимъ изъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» въ статьѣ «Г. Кавелинъ, какъ психологъ» («Отеч. Зап.», 1872, № 11, 30): «Вопросъ о произвольности не существуетъ для науки. Психологія неизбѣжно разсуждаетъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ отрицательно. Логика и этика столь же неизбѣжно разсуждаютъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ положительно».

Я не безъ задней мысли воспользовался случаемъ сопоставить мнѣніе гр. Толстаго съ мнѣніемъ «Отечественныхъ Записокъ» и въ особенности радъ тому, что это совпаденіе имѣеть мѣсто на пунктѣ высокой важности, на такомъ теоретическомъ вопросѣ, который всѣмъ вопросамъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что многихъ и до сихъ поръ интригуееть появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи гр. Толстаго. Такъ увѣряееть, по крайней мѣрѣ, авторъ напечатанной въ № 4 «Дѣла» статьи «Народъ учить или у народа учиться», г. «Все тотъ же», который и самъ посвящаетъ этому обстоятельству нѣсколько глубокомысленныхъ страницъ. Статья его «посвящается нашимъ профанамъ вообще и профану «Отечественныхъ Записокъ» въ частности». Такое посвященіе, конечно, меня до глубины души тронуло и даже очень мнѣ польстило. Когда я въ своихъ запискахъ обращаюсь къ ученымъ людямъ, я это дѣлаю, собственно говоря, только ради формы, потому что нужна же какая нибудь форма изложенія. Въ сущности же я вполне былъ увѣренъ, что ученые люди никогда не снизойдутъ до отвѣтовъ на мои вопросы, до разъясненія моихъ недоумѣній, вообще никогда не обратятъ вниманія на меня, бѣднаго профана. Теперь я боюсь, напротивъ, какъ бы мнѣ не возгордиться, потому что мною занялся «Все тотъ же»! Понимаете? все тотъ же... знаменитый... тотъ самый, который и прежде уже много разъ... Впрочемъ, я не знаю, чѣмъ именно прославился г. Все тотъ же, но вполне увѣренъ, что онъ прославился чѣмъ нибудь хорошимъ. Мои собственные интересы побуждаютъ меня вѣрить этому, потому что не было бы ничего для меня лестнаго, еслибы Все тотъ же оказался какимъ нибудь Петромъ Зудотѣшинымъ, который мои записки «читалъ и Содѣржаніе онныхъ нѣ одобрилъ». Притомъ же онъ, въ такомъ случаѣ, не выбралъ бы для себя столь великолѣпнаго и многозначительнаго псевдонима. Нѣтъ, г. Все тотъ же не сомѣнно—человѣкъ ученый и даже знаменитый, хотя и путешествующій инкогнито. Но вотъ что мнѣ кажется страннымъ. Г. Все тотъ же находить, что безобразія нѣмецкихъ педагоговъ и ихъ русскихъ подражателей указаны гр. Толстымъ фактически вѣрно, и тутъ же глумится надъ темными профанами, которые, по указанію гр. Толстаго, начали дескать травить педагоговъ, а прежде небось ничего не замѣчали. Что же дѣлать? Я, по крайней мѣрѣ, откровенно покаялся: дѣйствительно, не замѣчалъ и даже никогда не думалъ о педагогахъ. Но вотъ г. Все тотъ же замѣчалъ, думалъ, совершенно независимо отъ гр. Толстаго понималъ, что наша педагогія представляетъ собраніе монстровъ и раритетовъ,—и все таки молчалъ. Это ужъ даже и не великодушно. Я вполне увѣренъ, что г. Все тотъ же двигалъ науку впередъ и написалъ множество замѣчательнѣйшихъ произведеній, но о безобразіяхъ педагоговъ онъ ничего не сказалъ. Это я навѣрное знаю, потому что, кромѣ гр. Толстаго, о нихъ нието не говорилъ. Что же удивительнаго въ томъ, что мы, профаны,

благодаримъ гр. Толстаго, а не г. Все того же? Еще одна странность. Поговоривъ о славянофильствѣ, почвенности, поглумившись надъ «народной душой» и мистицизмомъ, словомъ, продѣлавъ все то, что обыкновенно продѣлывается людьми, разсуждающими о гр. Толстомъ, г. Все тотъ же весьма хитро спрашиваетъ: «не обратились ли наши «профаны» въ Ивановъ Непомнящихъ?» Затѣмъ идутъ опять разсужденія объ отсталости гр. Толстаго, о томъ, какъ относился къ ясно-полянскимъ теоріямъ «Современникъ» и о томъ, что появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи гр. Толстаго многихъ удивило. Вотъ удивительный полемическій приѣмъ. Вы высказываете извѣстныя мнѣнія, съ ними отчасти соглашаются, но, главнымъ образомъ, закидываютъ васъ вопросами: а почему ты не сказалъ того-то? а почему «Современникъ» смотрѣлъ на такой-то предметъ иначе? Помилуйте, ваше великолѣпіе, да какое же мнѣ дѣло до «Современника»? Въ «Современникѣ» говорилось, напримѣръ, что г. Благосвѣтловъ спалъ на шубахъ въ передней гр. Кушелева-Безбородко. Я не вижу никакого резона, почему я обязанъ повторять это. И зачѣмъ упрекать человѣка за то, что онъ того и того-то не хотѣлъ или не успѣлъ сказать? Передъ вами то, что онъ хотѣлъ сказать и сказалъ,—за это его и судите. А въ моихъ запискахъ передъ глазами его великолѣпія, г. Все того же, было слѣдующее: профаны приносятъ свою благодарность гр. Толстому за то, что онъ открылъ имъ глаза на цѣлый міръ безобразій, которыя 1) отнюдь не имѣютъ ничего общаго съ наукой и 2) топчя въ грязь требованія народа, практически безсильны привить ему просвѣщеніе. Вотъ и все, ваше великолѣпіе. На счетъ же славянофильства и другихъ грѣховъ гр. Толстаго мною обещана была особая бесѣда, которой его великолѣпію слѣдовало бы подождать.

И такъ, «либеральныя» (еслибы вы знали, читатель, какъ мнѣ противно писать это истасканное слово) «Отечественныя Записки» напечатали, къ удивленію многихъ, статью гр. Толстаго. Этого мало. Они, устами Профана, заявили свою солидарность съ этой статьей. Мало и этого. Они рѣшаются заявить, что, и помимо этой педагогической статьи, они признаютъ многіе воззрѣнія гр. Толстаго своими собственными. Я привелъ уже одинъ такой случай совпаденія, приведу и другой, болѣе осязательный. Въ томъ же № 11 «Отечественныхъ Записокъ» за 1872 годъ, есть мои скромныя литературныя замѣтки, въ которыхъ я съ величайшимъ почтеніемъ и сочувствіемъ отношусь къ статьѣ гр. Толстаго «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» и, притомъ, къ той именно части этой статьи, которая наименѣе либерально относится къ цѣлому ряду практическихъ вопросовъ. Такъ что грѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» есть грѣхъ старый. Будемъ ужъ грѣшить до конца.

Человѣкъ, будучи обязанъ признать всякое историческое явленіе законосообразнымъ, имѣетъ, однако, логическое и нравствен-

ное право бороться съ нимъ, признавая его пагубнымъ, вреднымъ, безнравственнымъ. Отсюда—прямой выводъ, что историческій ходъ событій самъ по себѣ совершенно безсмысленъ и, взятый въ своей грубой, эмпирической цѣлости, можетъ оказаться такимъ смѣшеніемъ добра и зла, что послѣднее перевѣситъ первое. Гр. Толстой дѣлаетъ этотъ выводъ. Онъ не только подвергаетъ осмѣянію афоризмъ «что исторично, то разумно», но, кромѣ того, довольно подробно анализируя ходячее понятіе прогресса, приходитъ къ заключенію, что историческій путь, который идетъ западная Европа и на который сравнительно недавно вступила Россія, отнюдь не усыпанъ розами. Гр. Толстой полагаетъ далѣе, что этотъ путь развитія не есть единственный и что онъ можетъ и долженъ быть избѣгнутъ Россіей. Извѣстно, что совершенно такъ же смотрятъ на дѣло славянофилы и ихъ выродки—«почвенники». При ближайшемъ, однако, разсмотрѣніи анализа прогресса гр. Толстого, оказывается, что онъ самымъ существеннымъ образомъ отличается отъ славянофильскихъ воззрѣній. Читатель въ этомъ сейчасъ убѣдится.

Покончивъ съ фатализмомъ, гр. Толстой обращается къ оптимизму. Г. Марковъ полагалъ, что искать критерія образованія нѣтъ никакой надобности, потому что дѣло и безъ него очень просто: «каждый вѣкъ выдаетъ въ общую кучу свою горсть, и, чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся». Такимъ образомъ, все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ, шиповъ становится все меньше, а розы цвѣтутъ и благоухаютъ все роскошнѣе. Гр. Толстой находитъ, что этотъ образъ кучи, возрастающей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимающей насъ, далеко не передаетъ истиннаго смысла исторіи. Движенія исторіи онъ не отрицаетъ, но онъ не согласенъ признавать верхніе, позднѣйшіе слои исторической кучи лучшими только потому, что они—верхніе, позднѣйшіе. Онъ требуетъ для оцѣнки историческихъ явленій иныхъ, болѣе сложныхъ приемовъ, къ разработкѣ которыхъ прислушивается весьма оригинальнымъ образомъ. Именно, онъ задаетъ себѣ вопросъ: кто признаетъ ростъ исторической кучи, обыкновенно называемой прогрессомъ, кто признаетъ его благомъ? «Такъ-называемое общество, незанятые классы, по выраженію Бокля». Разсматривая нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся «явленія прогресса» (мы условились не придирааться къ неясности и неправильности выраженій), гр. Толстой приходитъ къ заключенію, что они дѣйствительно суть благо для «незанятыхъ классовъ». Напримѣръ, по телеграфнымъ проволокамъ «проникаетъ мысль о томъ, что возвысилось требованіе на такой-то предметъ торговли и какъ потому нужно возвысить цѣну на этотъ предметъ, или мысль о томъ, что я, русская помещица, проживающая во Флоренціи, слава Богу, укрѣпилась нервами, обнимаю моего обожаемаго супруга и прошу прислать мнѣ въ наискорѣйшемъ времени 40,000 франковъ»; сообщаются свѣдѣ-

нія о «дешевизнѣ или дороговизнѣ сахара или хлопчатой бумаги, о низверженіи короля Оттона, о рѣчи, произнесенной Пальмерстономъ и Наполеономъ III». Изъ всего этого незанятые классы извлекаютъ огромныя выгоды и много удовольствія. Извлекаютъ они ихъ и изъ книгопечатанія, изъ улучшенныхъ путей сообщенія. Но почему же народъ, $\frac{9}{10}$ всего населенія цивилизованныхъ странъ, «занятые классы» относятся къ благамъ цивилизаціи по малой мѣрѣ равнодушно, а то и прямо враждебно? Потому, отвѣчаетъ гр. Толстой, что блага цивилизаціи для народа—вовсе не блага, они или проходятъ совершенно мимо его, или приносятъ ему больше зла, чѣмъ пользы. Г. Марковъ ссылаясь на Маколея. Гр. Толстой утверждаетъ, что изъ знаменитой 3-й главы первой части исторіи Маколея можно выудить только слѣдующіе, наиболѣе выдающіеся факты: «1) Народонаселеніе увеличилось,—увеличилось таѣ, что необходима теорія Мальтуса. 2) Войска не было,—теперь оно стало огромно; съ флотомъ—тоже самое. 3) Число мелкихъ землевладѣльцевъ уменьшилось. 4) Города стянули къ себѣ большую часть народонаселенія. 5) Земля обнажилась отъ лѣсовъ. 6) Заработная плата стала на половину больше, цѣны же на все увеличились и удобствъ въ жизни стало меньше. 7) Подать на бѣдныхъ удешевилась. Газетъ стало больше, освѣщеніе улицъ лучше, дѣтей и женъ меньше бьютъ и англійскія дамы стали писать безъ ореографическихъ ошибокъ». Гр. Толстой убѣжденъ, что совокупность этихъ явленій, ихъ общій характеръ несомнѣнно выгоденъ для незанятыхъ классовъ, которые поэтому, съ своей точки зрѣнія, имѣютъ всѣ резоны признавать его благомъ, но они не имѣютъ права навязывать свое воззрѣніе народу; народъ, опять-таки съ своей точки зрѣнія, имѣетъ тоже всѣ резоны отчасти и враждебно. «Интересы общества (подъ обществомъ гр. Толстой разумѣетъ таѣ-называемые образованные классы) и народа всегда бываютъ противоположны. Чѣмъ выгоднѣ одному, тѣмъ невыгоднѣ другому». Сообразно этому распредѣляются и понятія «общества» и народа о томъ или другомъ историческомъ явленіи въ отдѣльности и объ общемъ направленіи исторіи. Но, спрашивается, неужели мы можемъ положиться на мнѣнія людей грубыхъ и невѣжественныхъ, «проводящихъ жизнь на полятахъ, въ курной избѣ или за сохою, ковыряющихъ сами себѣ лапти и ткущихъ себѣ рубахи, нивогда не читавшихъ ни одной книги, разъ въ двѣ недѣли снимающихъ съ насѣвомыми рубаху, по солнышку и по пѣтухамъ узнающихъ время и не имѣющихъ другихъ потребностей, какъ лошадиная работа, спанье, ѣда и пьянство?» Гр. Толстой самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на сторону грубаго, грязнаго и невѣжественнаго народа. «Я полагаю, говорить онъ: — что эти люди, называемые дикими, и цѣлыя поколѣнія этихъ дикихъ суть точно такіе же люди и точно такое же человѣчество, какъ Пальмерстоны, От-

тоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколѣнія работниковъ носить въ себѣ точно тѣ же человѣческія свойства и въ особенности свойство искать гдѣ лучше, какъ рыба гдѣ глубже,—какъ и поколѣнія лордовъ, бароновъ, профессоровъ, банкировъ и т. д. Въ этой мысли подтверждаетъ и мое личное, безъ сомнѣнія, мало-значашее убѣжденіе, состоящее въ томъ, что въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ, и, главное, подтверждаетъ меня въ этой мысли то простое наблюденіе, что работникъ точно также саркастически и умно обсуживаетъ барина и смѣется надъ нимъ за то, что онъ не знаетъ—что соха, что сволока, что гречиха, что крупа; когда сѣять овесъ, когда гречу; какъ узнать какой слѣдъ; какъ узнать темна ли корова или нѣтъ? и за то, что баринъ живетъ, всю жизнь ничего не дѣлая и т. п. Точно также какъ обсуживаетъ баринъ работника и подтруниваетъ надъ нимъ за то, что тотъ говорить табѣ и сабѣ, фитанецъ, плантъ и т. п., и за то, что онъ въ праздникъ напивается какъ животное и не знаетъ какъ рассказать дорогу. То же наблюденіе поражаетъ меня, когда два чловѣка, разойдясь между собою, совершенно искренно называютъ другъ друга дураками и подлецами. Еще болѣе поражаетъ меня это наблюденіе въ столѣновеніяхъ восточныхъ народовъ съ европейскими. Индѣйцы считаютъ англичанъ варварами и злодѣями, англичане—индѣйцевъ; японцы—европейцевъ, европейцы—японцевъ; даже самые прогрессивные народы—французы считаютъ нѣмцевъ тупоголовыми, нѣмцы считаютъ французовъ безмозглыми. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій я вывожу то умозаключеніе, что, ежели прогрессисты считаютъ народъ не имѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія и народъ считаетъ прогрессистовъ людьми, озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа, на томъ основаніи, что 1) народа больше, чѣмъ общества и что потому должно предположить, что бѣльшая доля правды на сторонѣ народа; 2) и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ чловѣческимъ потребностямъ, какъ-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественныя произведенія (Иліада, русскія пѣсни). Прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа». Въ концѣ концовъ гр. Толстой объясняетъ, что «весь интересъ исторіи заключается для него не въ прогрессѣ цивилизаціи, а въ прогрессѣ общаго благосостоянія. Прогрессъ же благосостоянія, продолжаетъ онъ, по нашимъ убѣжденіямъ, не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но болѣею частью противоположенъ ей. Ежели есть люди, которые думаютъ противное, то это должно быть доказано. Доказательствъ же этихъ мы не находимъ ни въ непосредственномъ наблюденіи явленій жизни, ни на страницахъ

историковъ, философовъ и публицистовъ... Эти люди признають безъ всякаго основанія вопросъ о тождествѣ общаго благосостоянія и цивилизаціи рѣшеннымъ».

Но, можетъ быть, прогрессъ, какъ онъ выразился въ исторіи западной Европы, есть нѣчто фатальное, нѣчто неизбежно обязательное какъ для самой Европы въ будущемъ, такъ и для другихъ странъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи? Изъ предъидущаго уже видно, что гр. Толстой долженъ былъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Онъ такъ и отвѣчаетъ. Онъ говоритъ, что «не считаетъ этого движенія неизбежнымъ». Обращаясь къ Россіи, онъ дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о разницѣ въ условіяхъ ея жизни и жизни западной Европы. Я приведу только одно изъ этихъ замѣчаній. Упомянувъ о мнѣніи Маколея, что благосостояніе рабочаго народа измѣряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашиваетъ: «Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія своего народа, что повторимъ такое бессмысленное и ложное для насъ положеніе? Неужели не очевидно для каждаго русскаго, что заработная плата для русскаго простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія называетъ несомнѣнно богатымъ степнаго мужика съ старыми одонными хлѣба на гумнѣ, никогда не выдавашаго въ глаза заработной платы, и называетъ несомнѣнно бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только невозможно въ Россіи опредѣлять богатство степенью заработной платы, но смѣло можно сказать, что въ Россіи появленіе заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія. Это правило мы, русскіе, изучающіе свой народъ, можемъ провѣрить во всей Россіи, и потому, не разсуждая о богатствѣ государствъ и богатствѣ всей Европы, можемъ и должны сказать, что для Россіи, то-есть для большей массы русскаго народа, высота заработной платы не только не служитъ мѣриломъ благосостоянія, но одно появленіе заработной платы показываетъ упадокъ народнаго богатства».

Этимъ исчерпываются, кажется, всѣ существенные пункты статьи «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Теперь я прошу объяснить мнѣ: что общаго между приведенными воззрѣніями и мистицизмомъ, фатализмомъ, оптимизмомъ, евангеліемъ патриотизмомъ, славянофильствомъ и проч., въ которыхъ только лѣнливый не упрекаетъ гр. Толстого. Безъ сомнѣнія, его анализъ понятій прогресса и цивилизаціи далеко неполонъ (авторъ, впрочемъ, и не ставилъ себѣ цѣлью полноту анализа), страдаетъ и другими недостатками. Но дѣло не въ этомъ. Я обращаю только вниманіе читателя на точку зрѣнія гр. Толстого. Она, прежде всего, не нова. Она установлена лѣтъ приблизительно за тридцать до занимающей насъ статьи, но отнюдь не славянофилами, а европейскими социалистами. Если гдѣ искать у гр. Толстого славяно-

фильскихъ или «почвенныхъ» тенденцій, такъ именно въ указанной статьѣ, которая, собственно говоря, представляетъ цѣлую политическую программу въ сжатомъ, скомканномъ видѣ. Между тѣмъ здѣсь-то и выступаетъ всего рѣзче непричастность гр. Толстого къ славянофильству. Въ статьѣ нѣтъ и помину объ одной изъ любимѣйшихъ тѣмъ славянофильства, — о великой роли, предназначенной Провидѣніемъ славянскому міру, должствующему стереть съ лица земли или, по крайней мѣрѣ, совершенно посрамить міръ романо-германскій. Мало того, что тѣма эта не затронута въ статьѣ, — гр. Толстой и вообще не написалъ на нее ни одной строки, — статья отрицаетъ ее въ самомъ корнѣ, ибо гр. Толстой признаетъ, что историческій ходъ событій самъ по себѣ неразуменъ, безсмысленъ, что для человѣка неустранимо сознание возможности съ нимъ бороться, свободно ставя передъ собой идеалы. Гр. Толстой съ своей обычной смѣлостью бросаетъ перчатку историческимъ условіямъ, вовсе не имѣя въ виду, соотвѣтствуютъ они или не соотвѣтствуютъ началамъ русскаго, а тѣмъ паче славянскаго національнаго духа. Мистицизмъ, увѣренный, что имъ уловлены пути, которыми Провидѣніе направляетъ человѣчество къ извѣстной цѣли, и пошлая трезвость, не знающая нравственной оцѣнки историческихъ явленій, объ эти крайности, такъ часто совпадающія, уничтожены гр. Толстымъ однимъ ударомъ. Не отрицая законовъ исторіи, онъ провозглашаетъ право нравственнаго суда надъ исторіей, право личности судить объ историческихъ явленіяхъ не только, какъ о звѣнъяхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, но и какъ о фактахъ, соотвѣтствующихъ или не соотвѣтствующихъ ея, личности, идеаламъ. Право нравственнаго суда есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и право внимательства въ ходъ событій, которому соотвѣтствуетъ обязанность отвѣчать за свою дѣятельность. Живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія, сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій. Гр. Толстой во всѣхъ своихъ доводахъ опирается единственно на разумъ и логическія доказательства, — что было бы для славянофила почти невозможнымъ подвигомъ при разсужденіяхъ о русскомъ народѣ и европейской цивилизаціи. Правда, какъ и славянофилы, гр. Толстой много говоритъ о народѣ и скептически относится къ благамъ европейской цивилизаціи. Но развѣ сочувствіе народу и критика европейской цивилизаціи составляютъ монополію славянофиловъ? Во всякомъ случаѣ, гр. Толстой иначе относится къ обоимъ этимъ пунктамъ славянофильской программы. Хотя славянофилы и много толковали о «народѣ», но почти всегда разумѣли подъ этимъ словомъ стихійную совокупность людей, говорящихъ русскимъ языкомъ и населяющихъ Россію. Гр. Толстой не признаетъ этого единства русскихъ людей или, по край-

ней мѣрѣ, усматриваетъ въ немъ такіа два крупныя обособленія, что считаетъ возможнымъ приравнивать ихъ отношенія къ отношеніямъ враждебныхъ національностей. Для него «общество» и народъ стоять другъ передъ другомъ въ такихъ же, если можно такъ выразиться, нравственныхъ позахъ, какъ французы и нѣмцы въ тотъ моментъ, когда они взаимно величаютъ другъ друга безмозглыми и пустоголовыми. Интересы «общества» и народа, говоритъ онъ, всегда противоположны. Правда, славянофилы также указывали на рознь идеаловъ и интересовъ высшихъ и низшихъ слоевъ совокупности русскихъ людей. Они полагали, что рознь эта порождена Петровскимъ переворотомъ и только имъ. Говорятъ, что и гр. Толстой относится въ Петровскимъ реформамъ отрицательно (недавно еще объ этомъ говорилъ г. Суворинъ въ своихъ «Очеркахъ и картинкахъ»). Я этого не знаю, потому что печатно гр. Толстой въ такомъ смыслѣ не высказывался. Во всякомъ случаѣ, это весьма возможно. Но я почти увѣренъ, что печатное изложеніе мнѣній гр. Толстого о Петровской реформѣ вполнѣ обнаружило бы его непричастность словянофильству, хотя бы ужъ потому, что Русь до-Петровскую онъ не можетъ себѣ представлять въ розовомъ свѣтѣ. И въ до-Петровской Руси существовали раздѣльно народъ, «занятые классы», и, какъ выражается гр. Толстой, «общество», правда грубое, грязное, невѣжественное, но все таки «общество». Что гр. Толстой именно такъ смотритъ на дѣло, это видно и изъ общаго характера вышеприведенныхъ его воззрѣній, и изъ нѣкоторыхъ прямыхъ указаній. Очень любопытно, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе. Въ статьѣ «Ясно-полянская шеола за ноябрь и декабрь мѣсяцы» (сочиненія, т. IV, 353) гр. Толстой разсуждаетъ, между прочимъ, о преподаваніи исторіи и объ томъ, слѣдуетъ ли ребятамъ только сообщать свѣдѣнія, или же давать пищу ихъ патріотическому чувству. Разсказавъ о впечатлѣніи, произведенномъ на дѣтей повѣстью о куликовской битвѣ, онъ замѣчаетъ: «Но если удовлетворять національному чувству, что же останется изъ всей исторіи? 612, 812 года—и все». Это—замѣчаніе, глубоко вѣрное само по себѣ и вполнѣ совпадающее съ общимъ тономъ *десницы* гр. Толстого. Дѣйствительно, 1612, 1812 года и отчасти времена монгольскаго ига суть единственные моменты національной русской исторіи, въ которые не было никакой розни между цѣльями и интересами «общества» и народа. Много другихъ блестящихъ войнъ вела Россія и для «общества», для «незанятыхъ классовъ» Суворовскій переходъ черезъ Альпы или венгерская кампанія могутъ представлять даже большій патріотическій интересъ, чѣмъ 1612 и даже чѣмъ 1812 годъ. «Общество» знаетъ цѣну тѣмъ отвлеченнымъ начальамъ, ради которыхъ Суворовъ переходилъ черезъ С. Готардъ или русскія войска ходили усмирять венгровъ. Народъ—профанъ въ этихъ отвлеченныхъ началахъ: они не будятъ въ немъ никакихъ необыденныхъ чувствъ, потому что не имѣютъ съ

нимъ жизненной связи. И я увѣренъ, что разсказъ о почти невѣроятномъ подвигѣ перехода черезъ Чортовъ мостъ или о томъ, что Гѣргей пожелалъ сдаться русскимъ, а не австрійцамъ,—не могутъ возбудить въ народѣ ни патриотической гордости, ни вообще какого бы то ни было живаго интереса, несмотря на то, что въ обоихъ этихъ случаяхъ русское оружіе покрылось неуваждаемой славой. Худо ли это, хорошо ли, это—другой вопросъ, но это—такъ. Гр. Толстой, въ той же статьѣ о преподаваніи исторіи, неподражаемо мастерски передаетъ сцену оживленія, возбужденнаго въ Ясно-полянскій школъ разсказомъ о войнѣ 1812 года, особенно тотъ моментъ, когда, по опредѣленію одного изъ учениковъ, Кутузовъ наконецъ «окарачилъ» Наполеона. Суворовъ, Потемкинъ, Румянцовъ и другіе славные русскіе полководцы «окарачивали» почтиже Кутузова, но они всегда останутся для народа блѣдными и неинтересными фигурами. Вотъ что, я думаю, хотѣлъ сказать гр. Толстой своимъ замѣчаніемъ объ исключительномъ, съ точки зрѣнія народа, характерѣ 1612 и 1812 годовъ. Глубоко патриотическая подкладка «Войны и мира», въ связи съ другими причинами, утвердила во многихъ убѣжденіе, что гр. Толстой есть квасной патриотъ, славянофилъ, что онъ падаетъ ницъ передъ всѣмъ, что отзывается пресловутой и едва ли комунибудь понятной «почвой», что онъ вѣритъ въ какое-то мистическое величіе Россіи и проч. Одни радовались, другіе бранились, а между тѣмъ это убѣжденіе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно не оправдывается даже *шуйцей* гр. Толстого, о которой—въ слѣдующій разъ. Я не отрицаю случайныхъ совпадений воззрѣній гр. Толстого съ тѣмъ или другимъ пунктомъ славянофильскаго ученія, но это совпаденія именно—только случайныя. Гр. Толстой написалъ рѣзко патриотическую хронику отечественной войны, онъ написалъ бы, вѣроятно, таковую же хронику событийъ смутнаго времени. Не спору, онъ впалъ бы, можетъ быть, при этомъ въ нѣкоторую односторонность и преувеличеніе въ оцѣнкѣ грѣховъ и заслугъ той или другой исторической личности, того или другого историческаго факта. Но одно вѣрно: роста и развитія московской, до-петровской Руси онъ никогда не изобразить розовыми, угодными для славянофиловъ красками. Не напишетъ онъ также ничего подобнаго «Богатырямъ» г. Чаева или «Пугачевцамъ» гр. Сальяса. Сравненіе этихъ романовъ съ «Войной и миромъ» очень соблазнительно и, смѣю думать, было бы безезыинтересно съ точки зрѣнія профана. Но я долженъ отказаться отъ этой соблазнительной тѣмы. Скажу только слѣдующее. Ни отъ читателей, ни отъ критики не укрылась подражательность произведеній гг. Чаева и Сальяса; слишкомъ очевидно было, что эти писатели рабски копируютъ манеру «Войны и мира». Порѣшено было, что это—плохія копии и только, все было сведено къ степени таланта. Только нашъ уважаемый сотрудникъ, г. Скабичевскій, взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе. Но, будучи все таки увѣренъ въ славянофильствѣ гр. Тол-

стого, онъ, мнѣ кажется, далеко не вполне измѣрилъ глубину различія между «Войной и миромъ», съ одной стороны, и «Пугачевцами» и «Богатырями»—съ другой. Гг. Чаевъ и Сальясъ дѣйствительно рабски копировали манеру «Войны и мира» и изъ всѣхъ силъ старались то же слово такъ же молвить. Насколько неудачны оказались ихъ старанія, это—дѣло второстепенное, въ виду того, что они не сумѣли схватить главнаго и существеннѣйшаго въ воззрѣнїяхъ гр. Толстого. Они, гг. Чаевъ и Сальясъ, могутъ любую страницу русской исторїи, не моргнувъ глазомъ, обработать на манеръ «Войны и мира», и выйдетъ ни хуже, ни лучше, чѣмъ «Богатыри» и «Пугачевщина», а гр. Толстой призадумается. А если, паче чаянїя, не призадумается и въ суворовскихъ, напримѣръ, походахъ время императора Павла увидѣть общенародное русское дѣло, то напишеть вещь плохую, сравнительно, разумѣется, говоря. Вещь эта будетъ потому плоха, что гр. Толстой не вѣритъ въ единство цѣлей и интересовъ всѣхъ людей, говорящихъ русскимъ языкомъ, на протяженіи всей русской исторїи. Онъ знаетъ, что единство это есть явленіе крайне рѣдкое въ русской, какъ и въ европейской исторїи, что много нужно условий для совпаденія славы оружія съ интересами и идеалами народа. Онъ лишенъ первобытной невинности и наивности людей, считающихъ возможнымъ и даже обязательнымъ горѣть патріотическимъ пламенемъ при всякой побѣдѣ русскаго оружія и вообще на всякой громкой страницѣ русской исторїи. И еслибы онъ вздумалъ заставить своихъ героев пламенѣть по такимъ же поводамъ, по какимъ пламенѣютъ почти всѣ «герои», т. е. положительные типы гг. Чаева и Сальяса,—это было бы пламя фальшивое, блѣдное, негодное, недостойное мыслящаго и убѣжденнаго художника.

Повторяю, случайныя совпаденія мнѣнїй гр. Толстого съ славянофильскими воззрѣнїями разныхъ оттѣнковъ возможны и существуютъ, но общій тонъ его убѣжденїй, по моему мнѣнїю, самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ какъ славянофильскимъ и почвеннымъ принципамъ, такъ и принципамъ «официальной народности». Въ этомъ меня нисколько не разубѣждаютъ и слухи объ отрицательномъ отношенїи гр. Толстого къ Петровской реформѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что только первые, старые славянофилы ненавидѣли и презирали Петра. Теперешніе же эпигоны славянофильства относятся къ нему совсѣмъ иначе. Года два тому назадъ я былъ приглашенъ на вечеръ, на которомъ долженъ былъ присутствовать одинъ довольно извѣстный петербургскій славянофилъ. «Живого славянофила увидите», заманивали меня. Я пошелъ смотрѣть на живого славянофила. Онъ оказался человѣкомъ очень говорливымъ, краснорѣчивымъ и, между прочимъ, съ большимъ паѳосомъ доказывалъ, что Петръ былъ «святорусскій богатырь», «чисто русская широкая натура», что въ немъ цѣликомъ отразились начала русскаго народнаго духа. Это напомнило мнѣ, что тоже прикосновенный къ славяно-

фильству г. Страховъ одно время очень старался доказать, что нигилизмъ есть одно изъ самыхъ яркихъ выраженій началъ русскаго народнаго духа... Я думаю, что, если гр. Толстой исполнить приписываемое ему намѣреніе написать романъ изъ временъ Петра Великаго, то оставить эти несчастныя начала народнаго духа, которыя каждый притягиваетъ за волосы къ чему хочетъ, совсѣмъ въ сторонѣ. Быть можетъ онъ потщится свалить Петра съ пьедестала, какъ личность, быть можетъ, онъ казнитъ въ немъ человѣка, тольнувшаго Россію на путь *европейскихъ формъ* раздвоенности народа и «общества». И то и другое будетъ очень прискорбно, потому что несправедливо, но славянофильства тутъ все таки не будетъ. Критика европейской цивилизаціи, представленная въ статьѣ о прогрессѣ гр. Толстымъ, и критика славянофильская не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но мудрено даже найти два изслѣдованія одного и того же предмета, болѣе противоположныя и по исходнымъ точкамъ, и по приемамъ, и по результатамъ. Прошу читателя сравнить возрѣнія гр. Толстого съ слѣдующими, напомнимъ, строками, заимствованными изъ статьи «Зигаги и арабски русскаго домосѣда», напечатанной въ № 4 «Дня» за 1865 годъ. Увѣряю васъ, что я не рылся въ книгахъ для того, чтобы выудить этотъ перлъ. Мнѣ хотѣлось найти что нибудь подходящее для сравненія. Я взялъ первое попавшееся подъ руку славянофильское изданіе и, перевернувъ нѣсколько страницъ, нашель слѣдующее:

«Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, протекала когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская; медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу—избыткомъ некупленныхъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойно-беззаботной жизни не смущала залетная мысль, а если бушевала подчасъ кровь застоная,—пиры и охота, шуты и веселье разгуломъ утоляли взволновавшуюся буйную кровь». Затѣмъ идетъ длинное, длинное, все въ томъ же шутовскомъ стилѣ, описаніе запустѣнія дворянской домосѣдской жизни. Все это—просто подходъ, автору просто хочется сказать, что южной Россіи нужны желѣзныя дороги. Поговоримъ и о русскихъ красавицахъ, и объ удалыхъ тройкахъ, и еще не вѣсть объ чемъ, авторъ подступаетъ, наконецъ, съ божіей помощью, къ Ильѣ Муромцу, ну, а ужъ извѣстное дѣло, что отъ Ильи Муромца можно прямымъ путемъ до чего угодно дойти. Авторъ и доходитъ: «Не старцевъ, каликъ переходящихъ, ждетъ томящійся избыткомъ богатствъ несбытыхъ, земель не початыхъ, южнорусскій край,—ждетъ онъ желѣзнаго пути отъ срединной Москвы къ Черному Морю. Ждетъ его могучаго соловьиного свieta древній престольный городъ Кіевъ; встрепенется, оживетъ въ немъ старый русскій духъ богатырскій; возсіяютъ яркимъ золотомъ потемнѣвшія златоглавыя церкви, и звонче раздастся колокольный тотъ звонъ, что со всѣхъ концовъ земли русской утомленны

силы, нажитое, накопленное горе ко святымъ пещерамъ зоветъ, облегченье, обновленье даетъ. Торный, широкій слѣдъ проложила крѣпкая вѣра нетронутая, да тяжелая, живнью вскормленная скорбь народная—къ городу Кіеву. Но на перепутьи другомъ создали силы народной жизни новый городъ Украйны, Харьковъ торговый,—бьетъ ключемъ здѣсь торговая русская жизнь, свѣреть съ югомъ здѣсь мѣну ведетъ и стремятся сюда свѣжія, ретивыя русскія рабочія силы къ непочатымъ землямъ Черноморья и Дона, къ просторнымъ новороссійскимъ степямъ, къ Крыму безлюдному, чѣмъ стономъ стонетъ, рабочихъ руеъ просить. И сильный борець противъ Кіева древняго—этотъ юный городъ, народной жизнью вновь указанный, созданный. Томятся, ждуть города и земли—къ кому направится новый желанный путь, кому дастся сила, кому безплодіе, безсиліе?» Редакція «Дня», съ своей стороны, т. е. г. И. Аксаковъ, не желая уступить въ паясничествѣ своему корреспонденту, дѣлаетъ такое примѣчаніе отъ себя: «Моря и Москвы хочеть достигнуть Кіевъ,—пуще моря Москва нужна Харькову: Кіеву—первый почетъ, да жаль обидѣтъ и Харькова. Или Русь-богатырь такъ казной-мошной отошала и ума-разума истеряла, что не подь силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обойхъ путей, обойхъ морей, желѣзомъ стянуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?»

Я не объ томъ говорю, что гр. Толстой унизится до такого паясничества только въ томъ случаѣ, если у него Богъ разумъ отниметь. Это само собой разумѣется. Я обращаю вниманіе читателей на внутреннюю поддѣлку фактовъ и понятій, выглядывающую изъ подъ этой нелѣпой, рѣжущей ухо поддѣлки рѣчи. Нужды «дворянъ-домосѣдовъ» обставляются звономъ кіевскихъ колоколовъ, Ильей Муромцемъ, каликами переходжими, и выходитъ такъ, какъ будто бы ужъ не о дворянахъ-домосѣдахъ рѣчь идетъ, а о величій всей Россіи. Въмѣсто дворянъ-домосѣдовъ подсовывается «Русь-богатырь». Съ паясничествомъ или безъ паясничества, но славянофилы всегда очень удобно справлялись съ матеріальными благами проклятой ими европейской цивилизаціи. Они только «духа» европейскаго не любили, они предпочитали начала русскаго или славянскаго духа. Много они объ этомъ духѣ толковали, и потому выходило такъ, что они—необыкновенно возвышенные идеалисты, до которыхъ гр. Толстому какъ до звѣзды небесной далеко. Въ самомъ дѣлѣ, онъ критикуетъ европейскую цивилизацію совсѣмъ не съ точки зрѣнія какого бы то ни было «духа», а съ точки зрѣнія такой прозаической и матеріальной вещи, какъ «общее благосостояніе». Съ этой точки зрѣнія онъ признаетъ телеграфы—желѣзныя дороги, книгопечатаніе, заработную плату и другія «явленія прогресса», которыхъ онъ не перечисляетъ, явленіями, выгодными для извѣстной, малой части русской націи и невыгодными для другой,

большей. Уличайте его въ преувеличеніи, въ парадоксахъ, доказывайте, что его точка зрѣнія не вѣрна, но не валите же на него того, въ чемъ онъ ни на волосъ не грѣшенъ. Не называйте его славянофиломъ, когда мудрено найти точку зрѣнія, болѣе противоположную славянофильской, чѣмъ та, на которой онъ стоитъ. Я далеко отъ мысли признавать славянофиловъ людьми, сознательно подтасовывавшими факты и понятія—напротивъ: наиболѣе видные славянофилы были люди вполне искренніе. Но тѣмъ не менѣе, оставляя въ сторонѣ ихъ богословскія воззрѣнія и панславизмъ (объ чемъ гр. Толстой не написалъ во всю свою жизнь ни одной строчки), не трудно видѣть, что они провозили не мало контрабанды подъ флагомъ началъ русскаго народнаго духа. Въ экономическомъ отношеніи, сдѣлать изъ Россіи Европу легче всего при помощи славянофильской программы, за вычетомъ изъ нея одного только пункта,—поземельной общины. Какъ это на первый взглядъ ни странно, но оно такъ. Славянофилы никогда не протестовали противъ утвержденія въ Россіи европейскихъ формъ кредита, промышленности, экономическихъ предпріятій. Они требовали только, чтобы производительныя силы Россіи и ея потребители находились въ русскихъ рукахъ. Такъ, напримѣръ, они требовали покровительства русской промышленности, по просту говоря, высокихъ тарифовъ. Обставляя это требованіе орнаментами въ вышеприведенномъ стилѣ, т. е. разсужденіями о величіи Россіи и восклицаніями о каликахъ переходящихъ и кievскихъ колоколахъ, славянофилы не смущались тѣмъ, что покровительственная торговая политика выгодна не Россіи, а русскимъ заводчикамъ. Подъ покровомъ кievскихъ колоколовъ и каликъ переходящихъ они, сами того не замѣчая, стремились ускорить появленіе въ Россіи господствующихъ въ Европѣ отношеній между трудомъ и капиталомъ, т. е. того, что сами они готовы были отрицать на словахъ и что составляетъ самое больное мѣсто европейской цивилизаціи. Гарантируйте русскимъ фабрикантамъ десятокъ-другой лѣтъ отсутствія европейской конкуренціи, и вы не отличите Россіи отъ Европы въ экономическомъ отношеніи. Недаромъ весьма просвѣщенные русскіе заводчики проникаются необычайною любовью къ Россіи всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о тарифѣ. Недаромъ одинъ изъ ораторовъ засѣдающаго въ эту минуту въ Петербургѣ «сѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей», кажется, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ г. Полегика, воскликнулъ: тогда (т. е. послѣ десяти-другого лѣтъ отсутствія европейской конкуренціи) мы встрѣтимъ враговъ Россіи русскою грудью и русскимъ желѣзомъ! Вотъ образчикъ чисто славянофильскаго паюса. Русская грудь, русское желѣзо, и враги Россіи играютъ тутъ такую же роль, какъ кievскіе колокола и Илья Муромецъ въ паясничествѣ «Дня» и его корреспондента изъ дворянъ-домосѣдовъ: совсѣмъ объ нихъ рѣчи нѣтъ, совсѣмъ они ненужны, совсѣмъ они даже безсмыс-

ленны, потому что врага нужно встрѣчать просто хорошимъ желѣзомъ, а будетъ ли оно русское или англійское—это не суть важно. Русская грудь, русское желѣзо и враги Россіи притануты сюда въ качествѣ флага, прикрывающаго контрабанду, скрадывающаго разницу между Россіей и русскими заводчиками. Этимъ-то скрадываніемъ и занимались всегда славянофилы. Они знали себѣ одно: или Русь-богатырь такъ казной-мошной отошала и ума-разума истеряла, что не подѣ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму имѣть своихъ собственныхъ русскихъ заводчиковъ, свои собственныя акціонерныя общества, своихъ собственныхъ русскихъ концессионеровъ желѣзныхъ дорогъ, и проч. Всѣ выработанныя и освященныя европейской цивилизаціей формы экономической жизни принимались славянофилами съ распростертыми объятіями, со звономъ кіевскихъ и другихъ колоколовъ, если они обставлялись русскими и обрусѣлыми именами собственными. А тѣмъ самымъ вызывалось измѣненіе началъ русской экономической жизни въ чисто европейскомъ смыслѣ. Но измѣненіе не могло ограничиться экономической стороной общественной жизни. Допустимъ, что русскіе фабриканты обезпечены отъ европейской конкуренціи, что вслѣдствіе этого Русь-богатырь имѣетъ своихъ собственныхъ святорусскихъ пролетаріевъ и свою собственную святорусскую буржуазію; что значительная часть деревенскаго населенія, стаянувшись къ городамъ, передала свои земли собственнымъ святорусскимъ лэндлордамъ и фермерамъ; что появилась болѣе или менѣе высокая заработная плата, появленіе которой гр. Толстой считаетъ для Россіи признакомъ упадка народнаго богатства и проч. Такимъ образомъ, русская промышленность и русское сельское хозяйство процвѣтають. Какъ отзовется это измѣненіе на другихъ сторонахъ русской жизни? Во все не надо быть пророкомъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, потому что означенное измѣненіе уже отчасти совершается. Мы видимъ, напримѣръ, что народъ забываетъ тѣ свои, чисто народныя пѣсни, которыя такъ восхищали славянофиловъ, какъ выраженіе началъ русскаго духа, и запѣваетъ:

Мы на фабрикѣ живали,
Мелки деньги получали,—
Мелки деньги пятаки
Посносили въ кабаки.

Или:

Я куплю своему милѣму
Тотъ ли бархатный жилетъ.

Этой перемѣнѣ должно, конечно, соответствовать и измѣненіе нравственнаго характера русскаго рабочаго люда. Политическія условія страны опять-таки необходимо должны измѣниться, экономическая сила буржуазіи и лэндлордовъ необходимо повлечетъ ее по пути развитія одного изъ европейскіхъ политическихъ типовъ. Въ концѣ концовъ, знаменитыхъ началъ русскаго духа не

останется даже на сѣмена, хотя процессъ начался звономъ кievскихъ колоколовъ и вызовомъ тѣни Ильи Муромца.

Можетъ показаться, что первые славянофилы гораздо глубже и, главное, проникательнѣе ненавидѣли европейскую цивилизацію. Я объ этомъ спорить не буду. Замѣчу только, что Кирѣевскіе, Хомяковъ, Валуевъ были поглощены преимущественно богословскими и философско-историческими, вообще отвлеченными, теоретическими интересами, что зависѣло отъ условій времени. Какъ только жизнь выдвинула на очередь вопросы практическіе, такъ немедленно обнаружилось внутреннее противорѣчіе славянофильской доктрины, ея бессознательное тяготѣніе къ провозу европейской контрабанды подъ флагомъ началъ русскаго народнаго духа. Вообще, я вовсе не претендую на хотя бы даже приблизительно полный очеркъ славянофильства и связанныхъ съ нимъ ученій. Славянофильство имѣло много почтенныхъ сторонъ и оказало не мало цѣнныхъ услугъ русскому обществу, чего, впрочемъ, отнюдь нельзя сказать о его преемникахъ, о тѣхъ межеумкахъ, которые получили названіе «почвенниковъ»,—умалчиваю о головоногихъ «Гражданина». Я имѣю въ виду только одинъ, но весьма существенный признакъ славянофильства: въ трогательной идилліи или съ бурнымъ пафосомъ, серьезно или при помощи буфонады, но славянофилы упорно отождествляли интересы и цѣли «незанятыхъ классовъ» (древней или новой Россіи) съ интересами классовъ занятыхъ, вдвигая ихъ въ національное единство. Это справедливо и относительно первыхъ славянофиловъ. Не стану этого доказывать, а просто сошлюсь на г. Страхова. Этотъ, часто очень тонкій и меткій писатель, назвалъ Ренана французскимъ славянофиломъ. А Ренанъ смотреть на вещи такъ: «Мы уничтожили бы человѣчество, еслибы не допустили, что цѣлыя массы должны жить славою и наслажденіемъ другихъ. Демократъ называетъ глупцомъ крестьянина стараго порядка, работавшаго на своихъ господъ, любившаго ихъ и наслаждавшагося высокимъ существованіемъ, которое другіе ведутъ по милости его пота. Конечно, тутъ есть бессмыслица при той узкой, запертой жизни, гдѣ все дѣлается съ закрытыми дверями, какъ въ наше время. Въ настоящемъ состояніи общества, преимущества, которыя одинъ человѣкъ имѣетъ надъ другими, стали вещами исключительными и личными: наслаждаться удовольствіемъ или благородствомъ другого кажется дикостью; но не всегда такъ было. Когда Губбіо или Ассизъ глядѣлъ на проходящую мимо свадебную кавалькаду своего молодого господина, никто не завидовалъ. Тогда всѣ участвовали въ жизни всѣхъ; бѣдный наслаждался богатствомъ богатаго, монахъ радостями мірянина, мірянинъ молитвами монаха; для всѣхъ существовало искусство, поэзія, религія». Г. Страховъ правъ: это—истинно славянофильскія воззрѣнія.

Но это не суть воззрѣнія гр. Толстого. Любопытно, что г. Страховъ (статья его о Ренанѣ напечатана въ сборникѣ

«Гражданина»), котораго нельзя себѣ представить рядомъ съ гр. Толстымъ иначе, какъ въ колѣнопреклоненной позѣ и который, впрочемъ, столь же охотно преклоняетъ колѣна передъ г. Н. Данилевскимъ и—я не знаю—можетъ быть даже передъ кн. Мещерскимъ; любопытно, что г. Страховъ вполне согласенъ съ Ренаномъ. Онъ тоже вѣритъ, что толки объ «общемъ благосостояніи» порождены постыдною завистью, смѣшившею восторгъ крестьянина стараго порядка («молодшаго брата»?) передъ «свадебной кавалькадой молодого господина». Но, говорить г. Страховъ, Россія гарантирована отъ толковъ объ «общемъ благосостояніи» и отъ духа зависти, гарантирована глубокими началами русскаго народнаго духа, которому противенъ «житейскій материализмъ». Увы! на эти гарантіи наложилъ руку не кто иной, какъ—*horribile dictu!*—гр. Левъ Толстой. Онъ, такъ много превознесенный, мѣрять западную цивилизацію не началами русскаго духа и не какими нибудь возвышенными мѣрками смиренномудрія и терпѣнія, а «общимъ благосостояніемъ»! Онъ только потому отрицаетъ эту цивилизацію, что она не ведетъ къ общему благосостоянію, и, справясь она съ этимъ пунктомъ,—гр. Толстой не будетъ ничего имѣть противъ нея. Онъ, гр. Толстой, не смущаясь соображеніями г. Страхова о зависти, утверждаетъ, что «молодшему брату» дѣйствительно нѣтъ никакой причины радоваться на «кавалькаду молодого господина». Этого мало. На гниломъ западѣ мало ли что дѣлается. Но и русскій молодшій братъ, по мнѣнію гр. Толстого, нисколько не заинтересованъ въ томъ, что «русская помѣщица, проживающая во Флоренціи, слава Богу укрѣпилась нервами и обнимаетъ своего обожаемаго супруга»; нечего ему радоваться и тому, что русскій купецъ или фабрикантъ исправно получаетъ телеграммы о дороговизнѣ или дешевизнѣ сахара или хлопчатой бумаги. Молодшій братъ «только слышитъ гудѣніе проволокъ и только стѣсненъ закономъ о поврежденіи телеграфовъ». «Мысли, съ быстротою молніи облетающія вселенную, не увеличиваютъ производительности его пашни, не ослабляютъ надзора въ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсахъ, не прибавляютъ силы въ работахъ ему и его семейству, не даютъ ему лишняго работника. Всѣ эти великія мысли только могутъ нарушить его благосостояніе, а не упрочить или улучшить и могутъ только въ отрицательномъ смыслѣ быть занимательными для него». вмѣсто того, чтобы приглашать молодшаго брата радоваться процвѣтанію отечественной литературы, гр. Толстой увѣряетъ, что «сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды»; и «чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе «Бориса Годунова» Пушкина или исторію Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ».

Довольно. Прегрѣшеніе гр. Толстого очевидно. Я лично, впрочемъ, вижу во всемъ этомъ не прегрѣшеніе, а десницу гр. Толстого, свѣжую и здоровую часть его воззрѣній. Я отнюдь не думаю утверждать, чтобы всѣ положительные и отрицательные результаты, къ которымъ пришелъ гр. Толстой, были вполнѣ вѣрны. Главный и общій ихъ недостатокъ состоитъ въ излишней простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, они до такой степени просты, что не могутъ вполнѣ соответствовать дѣйствительности, всегда сложной и запутанной. Но дѣло не въ этомъ. Разъ установлена извѣстная точка зрѣнія на вещи, все остальное, дѣло поправимое. Только за точку зрѣнія гр. Толстого я и стою. И я искренно говорю, что не понимаю ни того, почему гр. Толстой прослылъ мистикомъ, оптимистомъ, фаталистомъ, славянофиломъ, кваснымъ патриотомъ и проч., ни того, почему его воззрѣнія прошли безслѣдно въ шестидесятыхъ годахъ, когда мы были болѣе или менѣе воспримчивы къ свѣжей, оригинальной, хотя бы и парадоксальной мысли, ни, наконецъ, того, почему его воззрѣнія возбудили такой шумъ теперь, когда...

VIII.

Нѣсколько мелочей.

Надо, однако, привести два-три примѣра воззрѣній, господствующихъ теперь. Я возьму на первый случай фактъ мелкій, ничтожный, но отчасти, именно въ своемъ ничтожествѣ, характерный. Вотъ чтò я прочелъ недавно въ одной петербургской либеральной газетѣ:

«Въ настоящее время, по словамъ «Саратовскаго Справочнаго Листка», въ Петровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Русская Корка, крестьяне занимаются выдѣлкою карандашей. Карандаши эти удивляютъ своею дешевизною: 12 дюжинъ стоятъ 50 коп. Отдѣлка довольно чистая. Издѣліемъ этимъ занимаются 12 семействъ, причѣмъ работу исполняютъ всѣ члены семьи безъ исключенія. Года два или болѣе назадъ тому было извѣстно, что въ Петровскомъ уѣздѣ найдены значительныя мѣсторожденія графита, который, по достоинству своему, мало уступаетъ уральскому. На обстоятельство это, со стороны людей болѣе или менѣе знающихъ только этому материалу—не было обращено никакого вниманія: только въ послѣднее время крестьяне стали употреблять въ дѣло графитъ, приготовляя изъ него карандаши. Въ средѣ специалистовъ дѣло это могло бы возбудить живѣйшій интересъ, и люди, обладающіе гораздо болѣе нежели крестьяне научными свѣдѣніями, безъ особенной затраты капитала, могли бы поднять фабрикацію карандашей до болѣе значительной степени и вытѣснить каран-

даши, приготовляемые въ прочихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, графитъ можетъ быть употребляемъ и на другіе предметы».

Такія извѣстія и соображенія разсыпаны въ нашихъ газетахъ въ громадномъ количествѣ. Не знаю, обращаютъ ли они на себя вниманіе тѣхъ дѣльцовъ, для которыхъ они пишутся, которымъ рекомендуется поднять въ той или другой мѣстности ту или другую отрасль промышленности, но знаю, что они, капля по каплѣ, вливаютъ ядъ въ общественное сознаніе. Разберите только взятый мною на выдержку мелкій фактъ. «Люди, болѣе или менѣе знающіе цѣну» графиту, не обратили на его мѣсторожденіе въ Петровскомъ уѣздѣ никакого вниманія. Темные крестьяне устроились безъ нихъ и выдѣлываютъ карандаши хорошо и баснословно дешево. Вдругъ въ литературѣ раздается совѣтъ людямъ, обладающимъ знаніемъ и капиталами: подите, вырвите производство изъ рукъ крестьянъ и вытѣсните карандаши, приготовляемые въ прочихъ мѣстностяхъ. Мы до такой степени свыклись съ такого рода совѣтами, что даже не пытаемся спросить: зачѣмъ? А между тѣмъ, вопросъ этотъ былъ бы вполне уместенъ, какъ и нѣкоторые другіе вопросы. Напримѣръ, почему эти литературные совѣтники вдругъ такъ прониклись любовью къ саратовскому графиту? Завтра найдется 12 крестьянскихъ семействъ, нашедшихъ графитъ въ Ярославской губерніи и выдѣлывающихъ изъ него дешевые и хорошіе карандаши; литературные совѣтники скажутъ: вырвите этотъ кусокъ изъ крестьянской глотки и вытѣсните саратовскіе и прочіе карандаши. Но послѣ завтра откроется графитъ въ Екатеринославской губерніи, и надо будетъ опять вырывать и опять вытѣснять саратовскіе, ярославскіе и прочіе карандаши. Тамъ дойдетъ очередь до вытѣсненія екатеринославскаго графита и т. д., и т. д. Гдѣ конецъ этой лавины конкуренціи, въ чемъ ея цѣль? Я понимаю, что я не по ученому разсуждаю, — сказано профанъ. Но я знаю, однако, что ученые люди мнѣ удовлетворительнаго отвѣта не дадутъ. Они будутъ мнѣ говорить объ увеличеніи производства и удешевленіи продукта, каковыя разговоры мнѣ, хотя и профану, довольно хорошо извѣстны. Я просто беру мой мелкій, ничтожный фактъ и, не мудрствуя лукаво, разсматриваю его съ разныхъ сторонъ, между прочимъ и съ психологической. Мнѣ любопытно знать, какой интересъ движетъ литературныхъ совѣтниковъ, когда они требуютъ, чтобы производство карандашей было вырвано изъ рукъ крестьянъ и чтобы саратовскіе карандаши вытѣснили всѣ другіе. Въ прямомъ, чисто личномъ смыслѣ, литературные совѣтники въ нашемъ примѣрѣ совершенно безкорыстны. Саратовскіе карандаши и теперь стоятъ на мѣстѣ около $\frac{3}{10}$ копейки штука, — кажется, не дорого. Литературныхъ совѣтниковъ карандаши, какіе бы они ни были, тоже не раззоряютъ. Изъ-за чего же они хлопочутъ? Почему имъ далѣе нужно, чтобы восторжествовали именно саратовскіе карандаши? Опять-таки никакихъ осязательныхъ резонновъ тутъ нѣтъ. Особенныхъ, личныхъ симпатій къ

тѣмъ дѣльцамъ, которые заберутъ въ свои руки производство, литературные совѣтники тоже имѣть не могутъ, потому что дѣльцы эти даже неизвѣстны, они еще только вызываются. Словомъ, какъ ни вертите, а не отыщете смысла въ усердіи совѣтниковъ. Остается одно: бессознательное, инстинктивное стремленіе вырвать изъ мужицкой глотки кусокъ и отдать его людямъ, обладающимъ знаніемъ и капиталами, превратить самостоятельныхъ хозяевъ въ людей, живущихъ заработной платой. Ничтожный мой примѣръ тѣмъ именно и хорошъ, что онъ ничтоженъ. Карандаши и безъ того такъ дешевы и производство ихъ такъ не хитро, что пристегнуть къ нимъ шаблонныя разсужденія о національномъ богатствѣ было бы просто совѣстно. Слѣдствіе этого, инстинктивное стремленіе призвать мужика выступаетъ въ оголенномъ видѣ. Еслибы не это стремленіе, литературные совѣтники, даже отправляясь отъ расширенія производства и удешевленія продукта, могли бы преподавать совѣмъ иные совѣты: они могли бы предложить, напримѣръ, петровскому или саратовскому земству оказать какое-нибудь нравственное и матеріальное пособіе несвѣдущимъ и бѣднымъ крестьянамъ, занимающимся выдѣлкой карандашей. Но они оголили свои инстинкты.

Инстинкты эти могутъ, однако, быть болѣе или менѣе прилично одѣты разсужденіями о національномъ богатствѣ, если взять не такую мелочь, какъ саратовскіе карандаши, а всю русскую кустарную промышленность, всю совокупность тѣхъ мелкихъ производствъ, въ которыхъ крестьяне являются и предпринимателями, и капиталистами, и рабочими вмѣстѣ. Такъ именно поступилъ г. Пудовиковъ въ рефератѣ, читанномъ имъ въ III отдѣленіи вольно-экономическаго общества и напечатанномъ въ сентябрьской книжкѣ «Трудовъ» общества за прошлый годъ. Г. Пудовикова возмущаетъ самая форма кустарнаго производства. Какъ ученый человекъ, онъ находитъ ее крайне неправильной. Кустарь, говоритъ онъ, есть «такой промышленникъ, который въ одно и то же время хочетъ соединить въ себѣ и предпринимателя, и рабочаго, и торговца, посредника съ рынкомъ и, наконецъ, земледѣльца. Всѣ эти различныя отрасли труда, по самому понятію о кустарѣ, должны соединяться въ немъ. Въ немъ является скученіе разнороднаго труда, тогда какъ производительность труда является слѣдствіемъ разложенія производства на элементарныя дѣйствія. Кустарный трудъ, такимъ образомъ, по природѣ своей противоположенъ началу раздѣленія труда, которое одно и даетъ труду способность постепенно увеличивать его производительную силу». Сообразно этому, г. Пудовиковъ желаетъ «внести въ трудъ кустарей правильное распредѣленіе, словомъ—сдѣлать изъ нихъ фабричныхъ рабочихъ». Тѣмъ самымъ г. Пудовиковъ полагаетъ помочь и отечественной промышленности, отъ которой кустари отвлекаются земледѣліемъ, и отечественному сельскому хозяйству, отъ которой они отвлекаются ремеслами, и, наконецъ, самимъ кустарямъ «какъ рабочимъ». Я не

знаю въ точности, что значитъ это послѣднее выраженіе, но — чтобы не далеко ходить—я прочиталъ въ августовской книжкѣ тѣхъ же «Трудовъ Вольно-экономическаго общества» за тотъ же годъ любопытную статейку священника Веселовскаго «О фабрикации полотень въ Вязникахъ». Въ статейкѣ этой даже довольно идилическими красками описывается состояніе вязниковскихъ прядильщиковъ и ткачей до пятидесятихъ годовъ, когда появились громадныя полотняныя фабрики. Теперь же, по свидѣтельству г. Веселовскаго, между рабочими свирѣпствуютъ развратъ и нищета. Онъ называетъ фабрики въ нравственномъ отношеніи «институтами пошлостей и безобразій». Въ отношеніи матеріальномъ состояніе рабочихъ очень скверно. Нѣкоторые фабриканты держатъ лавки, въ которыхъ всѣ рабочіе, даже не живущіе въ зданіи фабрики, обязаны покупать все, имъ нужное. Въ лавкѣ есть все, «начиная съ простаго горшка и кончая кускомъ довольно приличной шелковой матеріи». Продаются эти продукты выше рыночной цѣны, напримѣръ: пшено на базарѣ стѣитъ 1 р. 35 к. — 1 р. 50 к., а въ фабричной лавочкѣ 2 р. 25 к. — 2 р. 50 к. За покунку въ другомъ мѣстѣ рабочій штрафуется или выгоняется совсѣмъ. Иногда лавка сдается хозяиномъ въ аренду, и тогда арендаторъ получаетъ деньги за забранный рабочимъ товаръ отъ самого хозяина. Вотъ нѣсколько сценъ съ натуры.

Раздача денегъ. Хозяинъ, «какъ водится, сначала надъ кѣмъ-нибудь наругавшись до сыта, наконецъ, усаживается въ кресло,— не подалеку отъ него арендаторъ лавочки.

— Степанъ Вавиловъ... тебѣ причитается за недѣлю полтора рубля... да штрафу съ тея записано три гривенника... Сколько онъ вамъ, Климъ Данилычъ, въ лавочку состоитъ?

— Рупь сорокъ пять-съ копѣекъ-съ, скороговоркой отвѣчаетъ Климъ Данилычъ.

— Экъ, работалъ, работалъ, а еще на свою шею наработалъ,— ну, считайте за нимъ четвертакъ до той недѣли. И Климъ Данилычъ, за вычетомъ 30 коп. штрафа съ Степана Вавилова, получаетъ съ него 1 р. 20 к., «снося на книжку» до слѣдующей недѣли 25 к., а самъ Степанъ Вавиловъ пошелъ домой безъ гроша.

— Антонъ Филимоновъ?

— Здѣсь-съ! Демьянъ Захарычъ,—да што меня выликать,— все ровно ни шиша не получишь... Два съ половиной мнѣ за недѣлю... да штрафъ что ли тамъ какой записали. Вотъ ужъ примѣрно, Демьянъ Захарычъ, очень то-ись для насъ обидно... ну што штрафъ,—вѣдь я только полчаса и опоздалъ, а четвертакъ за недѣлю съ костей...

— Да ты што больно ершишься. Не любо, коли штрафуютъ,— ступай... найдемъ на твое мѣсто...

— Мнѣ по лавочкѣ онъ состоитъ четыре тридцать...

— Эко! Два съ половиной въ недѣлю, а въ лавкѣ позабралъ

на четыре слишком! Мотушки! Ступай! Получите, Климы Данилыч, а те два съ пятакомъ до слѣдующаго расчета».

Г. Веселовскій приводитъ далѣ примѣръ, какъ на одной фабрикѣ, при расплатѣ съ рабочими, «нѣсколько десятковъ разъ въ продолженіи сутокъ повторялись сцены въ родѣ слѣдующей:

— Подмастерье Данило Прохоровъ Занозинъ, — здѣсь?

— Здѣсь-съ, ваше высокостепенство.

— Тебѣ, братъ, нынче больно много причитается въ выдачѣ, — смотри-ко-сь, — вѣдь 39 руб. шутка сказать!.. Вѣдь это, братцы, вы меня въ разоръ разорите; ну ко-ся 39 руб.!

— Да! слава те Господи! Копилъ все, ваше высокостепенство, — жъ празднику нужны... оброкъ... подати...

— Нѣтъ, братъ, этакъ нельзя... вотъ тебѣ тридцать, а девять съ костью долой; чай не помнишь, за тобой грѣшки были?

— Никакихъ грѣховъ супрутивъ вашего высокостепенства не сознаю-съ, а что касательно скостеи... прошу помиловать... За что?

— А! еще сталъ разговаривать.. получи 29 рублей, а рубль еще съ тебя штрафу... не гордыбачь!»

Это—не беллетристика, а фотографія. Да не смущаются читатели тѣмъ, что всё эти «высокостепенства», судя по говору, мелкія, дескать, піявицы изъ своего же брата-мужичка. Оно точно, что изъ своего брата, но вовсе не мелкія піявицы: вязниковскіе полотняные фабриканты имѣютъ миллионныя годовыя обороты и держатъ по 2, по 3,000 рабочихъ. Такъ что вязниковскіе порядки представляютъ именно то «правильное распредѣленіе труда», котораго желаетъ г. Пудовиковъ. Вязники, конечно, не составляютъ исключенія, хотя не вездѣ кровопійство находится въ столь грубо патріархальномъ состояніи. Петербургскіе фабриканты, напримѣръ, должны быть безъ сравненія гуманнѣе. Въ комиссію по техническому образованію они доставили свѣдѣнія о блестящемъ положеніи рабочихъ на ихъ фабрикахъ, до такой степени блестящемъ, что разсматривавшій эти свѣдѣнія профессоръ Янсонъ нашель даже ихъ «въ большинствѣ незаслуживающими довѣрія: такъ въ нихъ все гладко, стройно, положеніе рабочихъ такъ хорошо, что подозрѣніе рождается и при поверхностномъ знакомствѣ съ ними; при сопоставленіи же цифръ въ этихъ свѣдѣніяхъ ясно видно, что нѣкоторыми фабриками и заводами числовыя данныя для этихъ свѣдѣній просто сочинялись и, притомъ, весьма неловко, безъ всякаго соображенія о томъ, — не противорѣчатъ ли данныя одни другимъ». Въ «Трудахъ комиссіи по техническому образованію» прилагательное «петербургскій» получило даже весьма своеобразное нарицательное значеніе. Тамъ говорится о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ провинціальными фабрикантами, между прочимъ, слѣдующее: «Изъ нихъ есть такія, но въ частію немногія, которыя имѣютъ, такъ сказать, характеръ петербургскій, т. е. видно, что они тоже сочинены, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія, при чтеніи которыхъ не-

вольно думается, что тут говорить сама искренность. За эту искренность ручается то безотрадно тяжелое положеніе рабочихъ, которое рисуется при чтеніи этихъ свѣдѣній».

Все это—грустная, но всѣмъ извѣстная, старая, хоть и не устарѣвшая пѣсня. Я только хотѣлъ напомнить читателю, куда стремятся водворить крестьянъ гг. Пудовиковы съ компанією. Именно потому, что положеніе фабричныхъ рабочихъ, даже избавленныхъ отъ грубой патріархальности «высокостепенствъ», а имѣющихъ патронами людей просвѣщенныхъ, всѣмъ извѣстно—именно поэтому стремленія гг. Пудовиковыхъ получаютъ особенно пикантный характеръ. Казалось бы, тотъ гарниръ, подъ которымъ г. Пудовиковъ подалъ вольно-экономическому обществу свой рефератъ, самъ по себѣ вовсе не необходимо ведетъ къ мысли о разселеніи кустарей по фабрикамъ. *Pièce de résistance* реферата составляютъ упадокъ сельскаго хозяйства и истощеніе почвы. Кустари, гласитъ онъ, втягиваясь въ подспорное ремесло, которое, однако, ни въ какомъ случаѣ ихъ прокормить не можетъ, ведутъ свое земледѣльческое хозяйство все небрежнѣе и небрежнѣе. Допустимъ, что это фактически вполнѣ вѣрно. Но это только ставить передъ нами новую задачу: какъ устранить упадокъ сельскаго хозяйства, не нарушая экономической самостоятельности крестьянъ, не раздробляя, по возможности, дохода съ производства на ренту, прибыль на капиталъ, торговый процентъ и заработную плату, не превращая хозяевъ-рабочихъ въ просто рабочихъ? Эта задача сама собою, вполнѣ естественно представляется уму изслѣдователя, если онъ, разумѣется, хоть сколько-нибудь дорожитъ экономической самостоятельностью крестьянъ. Если скажутъ, что это—задача трудная, то вѣдь легкихъ задачъ вообще не такъ чтобы ужъ очень много представлялось въ жизни; она, во всякомъ случаѣ, не труднѣе той, которая неизбѣжно возникаетъ изъ послѣднихъ строкъ реферата г. Пудовикова. Положеніе фабричныхъ рабочихъ и въ западной Европѣ, и у насъ до такой степени неудовлетворительно, что и правительства, и ученые люди, и неученые усиленно занимаютъ вопросомъ: какъ поправить дѣло, не нарушая «правильнаго», по опредѣленію г. Пудовикова, распредѣленія труда? Смѣю думать, что это—задача едва ли разрѣшимая. Между тѣмъ, въ этомъ направленіи г. Пудовиковъ допускаетъ вѣроятно всевозможныя иллюзіи. Во всѣхъ разсужденіяхъ объ упадкѣ русскаго сельскаго хозяйства, очень ученыхъ и глубокомысленныхъ, меня, какъ профана, поражаетъ необыкновенное разнообразіе и односторонность доводовъ и исходныхъ точекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивительное единство стремленій всѣхъ разсуждающихъ. Г. Пудовиковъ приписываетъ упадокъ сельскаго хозяйства кустарной промышленности, никакихъ другихъ причинъ онъ не показываетъ и не видитъ. Въ Самарской губерніи голодъ смѣняется необычайнымъ, давно небывалымъ урожаемъ, который, однако, оказы-

ваются, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пагубнѣе даже голода, ибо хлѣбъ дешевѣетъ, дѣвать его некуда, платить подати и оброки печѣмъ,—сиди, какъ собака на снѣгѣ. Кажется, довольно знаменательное явленіе, показывающее, что надъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ тяготеетъ не только бѣда отъ кустарной промышленности? А г. Пудовиковъ только ужасается тому, что кустарная промышленность забралась даже въ Самарскую губернію! Приходить гр. Орловъ-Давыдовъ съ своей знаменитой мыслью о пагубномъ вліяніи на сельское хозяйство сліянія земледѣлія съ землевладѣніемъ. Приходятъ ораторы петербургскаго дворянскаго собранія и говорятъ, что сельское хозяйство падаетъ отъ пьянства, невѣжества, безнравственности мужиковъ, не имѣющихъ надъ собой высшаго нравственно-политическаго контроля. Какіе вѣдь все разнообразныя доводы, но какое вмѣстѣ съ тѣмъ единство цѣлей и стремленій. Что значитъ расселить кустарей по фабрикамъ?—вырвать изъ рукъ крестьянъ мелкую промышленность и установить зависимость ихъ отъ фабрикантовъ. Что значитъ отдѣлить земледѣліе отъ землевладѣнія?—отобрать отъ крестьянъ землю и поставить ихъ въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ! Что значитъ учредить надъ крестьянами высшій нравственно-политическій контроль?—отобрать у крестьянъ предоставленную имъ долю свободы и поставить ихъ въ зависимость отъ привилегированныхъ сословій. Вотъ центръ, въ которомъ сходятся радіусы разсужденій объ упадкѣ сельскаго хозяйства. Я могъ бы показать, что къ тому же ведутъ разсужденія и о другихъ нашихъ нуждахъ и горяхъ. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и этотъ Римъ есть политически, экономически и нравственно обобраннй мужикъ, только что вылупившійся изъ крѣпостнаго права. Сюда лѣзутъ всѣ, кто съ карандашиками, кто съ чѣмъ-нибудь покрупице, лѣзутъ,—я готовъ допустить,—безсознательно и безкорыстно, подъ покровомъ идеи гармоніи и единства интересовъ всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи и говорящихъ русскимъ языкомъ. Вотъ нравственный воздухъ, которымъ дышетъ наше общество, втягивая его въ себя понемножку, незамѣтно, но ежедневно. Многіе полагаютъ, что характеристическая черта современнаго строенія нашего «общества» есть алчность, духъ наживы, презирающій всякія препоны. Это, я думаю, совершенно вѣрно, но я не могу признать удовлетворительными приемы вліянія на общество, къ которымъ часто прибѣгаютъ люди, сознавшіе эту истину. Передо мной лежитъ книга фельетониста старыхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Суворина, «Очерки и картинки». Въ ней собрано нѣсколько старыхъ фельетоновъ и прибавлено нѣсколько новыхъ; между старыми цѣлая группа посвящена нашимъ плутовератамъ и кандидатамъ въ плутократы. Все это очень хорошо, но немножко мало (по точкѣ зрѣнія), до такой степени мало, что даже не совсѣмъ хорошо. Хорошо то, что талантливый и пользующійся популярностью писатель держитъ

общественное мнѣніе на сторожѣ. Не хорошо то, что этотъ писатель, разоблачая плутократическія шашни, имѣетъ въ виду почти исключительно интересы все-таки только того, что графъ Толстой называетъ «обществомъ». Напримѣръ, охранение интересовъ акціонеровъ отъ фокусовъ и неурядицы правленія компании есть тѣма, сама по себѣ, почтенная, но исключительное указаніе на нее только способствуетъ сосредоточенію промышленности и чувствъ «общества» на его интересахъ и мѣшаетъ увидѣть тотъ Римъ, о которомъ сейчасъ говорено. Разсуждая, конечно, только съ точки зрѣнія профана, я осмѣливаюсь думать, что иному промышленному или финансовому предпріятію можно отъ души пожелать безсовѣстныхъ и неумѣлыхъ руководителей и исполнителей. Я понимаю, что этотъ тезисъ долженъ многимъ не понравиться и, хотъ въ мой планъ не входитъ нравиться кому бы то ни было, умолкаю. Замѣчу, однако, что, если есть въ моихъ словахъ нѣчто догматическое, т. е. нѣчто не подлежащее доказательствамъ и обязательное только для вѣрующихъ, но есть и нѣчто такое, что можетъ быть доказано и должно быть для всѣхъ обязательно, какъ истина. Въ общество является человѣкъ, намѣтившій извѣстную дорогу въ Римъ, т. е. увидѣвшій возможность обогатиться на тотъ или другой манеръ мужика. Положимъ, онъ, подстрекаемый литературными совѣтниками, задумалъ взять въ свои руки производство карандашей въ Петровскомъ уѣздѣ и вытѣснить всѣ карандаши, приготовляемые въ другихъ мѣстностяхъ. Онъ обращается къ публикѣ: господа, такъ и такъ, вотъ мой планъ, но денегъ у меня мало, окажите мнѣ кредитъ, разберитѣ мои акціи, гарантія—вотъ какія, выгоды ваши—вотъ какія. Положимъ, что все дѣло ведется честно, не муссируется, что предпріятіе—не фиветивное, что отчетность ведется правильно; положимъ, словомъ, что моралистамъ нѣтъ пищи для разоблаченій. Публика несетъ сюда свои сбереженія и капиталы, потому что предпріятіе вѣрное, солидное. При этомъ цѣль предпріятія не играетъ рѣшительно никакой роли, и болѣе вѣрный способъ обирания будетъ естественно пользоваться болѣшимъ довѣріемъ публики, чѣмъ способъ менѣе вѣрный. Я не моралистъ. Я не говорю: не давайте своихъ денегъ на обирание мужика, не будьте пособниками въ этомъ дѣлѣ. Давайте, пособляйте, но знайте, по крайней мѣрѣ, на что вы даете деньги и чему пособляете. Знайте, что честность и подлость, умъ и глупость руководителей промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій стоятъ къ интересамъ громадной массы населенія Россіи въ гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ, чѣмъ вы привыкли думать. Знайте, что на личныхъ качествахъ и иродѣлахъ людей, которымъ вы ввѣрили свои капиталы, свѣтъ не клиномъ сошелся, что есть во всякомъ предпріятіи нѣчто глубже ихъ лежащее,—цѣль предпріятія и его значеніе для народа.

Уясненіе этого пункта есть дѣло величайшей важности, но не легко рѣшиться настаивать на немъ. Я рѣшаюсь, потому что

уже имѣлъ смѣлость объявить себя профаномъ (на это нужно гораздо больше смѣлости, чѣмъ для присвоенія себѣ великолѣпныхъ титуловъ, которыми подписываютъ свои статьи нѣкоторые мои собраты по ремеслу: «Одинъ изъ немногихъ», «Все тотъ же», «Не изъ фельетонистовъ»). Но за то я рискую быть встрѣченными презрительнымъ пожиманіемъ плечъ. Т. е. это ученые люди будутъ пожимать плечами, а неученые, можетъ быть, кое съ чѣмъ и согласятся. Ученые люди будутъ ссылаться на европейскую цивилизацію и европейскую науку, изъ которыхъ первая установила «правильное распредѣленіе труда», иначе говоря — разрушила экономическую самостоятельность мужика, а послѣдняя дала этому порядку вещей свою санкцію. Я готовъ принять эту ссылку. Дѣйствительно, какъ справедливо говорили ораторы петербургскаго дворянскаго собранія, цивилизація обобрала европейскаго крестьянина, разрушивъ сначала поземельную общину и затѣмъ загнавъ обезземеленныхъ по мастерскимъ и фабрикамъ. Дѣйствительно, какъ справедливо полагаетъ г. Пудовиковъ, цивилизація уничтожила кустарную промышленность. Правда, наконецъ, и то, что наука санкціонировала эти измѣненія, выработавъ доктрину «правильнаго распредѣленія труда» и «экономическихъ гармоній», доктрину, которая глубочайшій разладъ интересовъ прикрыла фикціей «національнаго богатства», зависимость рабочаго — фикціей свободы, лишеніе рабочаго собственности поземельной и орудій производства — фикціей «священнаго права собственности». Правда, все это было, но *было* и скоро будемъ поростеть. Я не буду ссылаться ни на настроеніе рабочихъ массъ, которыя справедливо заподозриваются въ зависти къ «свадебной кавалькадѣ молодого господина», ни на отъявленныхъ социалистовъ. Возьмите мирныхъ ученыхъ. Въ то время, какъ князь Лобановъ-Ростовскій и другіе гремятъ противъ общины, какъ противъ негоднаго тряпья, давно брошеннаго Европой и безвозвратно осужденнаго европейской наукой, бельгійскій экономистъ Лавеле тщательно собираетъ свѣдѣнія объ общинномъ землевладѣніи и издаетъ книгу, о которой было упомянуто у насъ въ иностранной литературѣ и которая недавно вышла въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Первобытная собственность». Въ книгѣ этой можно найти такія слова: «Германскій и славянскій обычай, обезпечивавшій каждому челоуку пользованіе общимъ поземельнымъ фондомъ, которымъ оны могъ поддерживать свое существованіе, — одинъ только сообразенъ съ рациональнымъ понятіемъ о собственности». «Исключительно счастливое положеніе нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи я приписываю тому факту, что здѣсь сохранились древнія общинныя учрежденія, въ томъ числѣ первобытная общинная собственность». И т. п. Почтенный англійскій юристъ Мэнъ издаетъ книгу «Деревенскія общины на востокъ и западъ», проникнутую глубокою симпатіей къ этому учрежденію. А извѣстнѣйшій англійскій экономистъ Милль пишетъ по поводу книги Мэна статью,

въ которой говорить, между прочимъ: «Остается рѣшить вопросъ, старыя или новыя идеи болѣе пригодны управлять человѣчествомъ въ будущемъ; и если замѣна идей прошлаго времени новѣйшими произошла вслѣдствіе обстоятельство, уже пережитыхъ міромъ,—тѣмъ болѣе, если окажется, что эта замѣна была главнымъ образомъ результатомъ узурпаціи—то очень можетъ быть, что, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, старыя учрежденія будутъ пригоднѣе новѣйшихъ, какъ базисъ лучшаго и болѣе современнаго общественнаго строя... Существующее положеніе поземельной собственности вездѣ, гдѣ его не коснулось англійское законодательство, поразительно согласуется съ существовавшимъ въ древности общиннымъ строемъ, на пути къ которому въ настоящее время стоятъ самыя передовыя общества». Г. Пудовикова изученіе кустарной промышленности только укрѣпило въ догматахъ нынѣ отживающей свой вѣкъ политической экономіи. Но когда за тотъ же предметъ взялся почтенный нѣмецкій профессор Шмоллеръ, онъ пришелъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. «Сообразно моимъ прежнимъ занятіямъ и моимъ политическимъ убѣжденіямъ, говоритъ Шмоллеръ, я раздѣлялъ воззрѣнія либеральной политической экономіи; оптимистически смотрѣлъ на нашъ экономическій прогрессъ и вѣрилъ, что въ свободѣ труда лежитъ панацея противъ всѣхъ золъ. Но чѣмъ глубже шли мои изслѣдованія, тѣмъ яснѣе становилась для меня односторонность этой точки зрѣнія» (Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in 19 Jahrhundert).

Можно было бы привести цѣлыя десятки подобныхъ заявленій людей, солидность и благонамѣренность которыхъ не можетъ быть никѣмъ заподозрена. Всѣ эти заявленія, которымъ есть и соответствующіе жизненные факты, клонятся къ отрицанію пути экономическаго развитія, признаваемаго (во имя европейской науки) нашими учеными единственно «правильными». Всѣ они клонятся къ восстановленію самостоятельности рабочаго люда, къ слитію въ одномъ лицѣ земледѣльца и землевладѣльца, капиталиста и рабочаго, къ признанію интересовъ «общества» и народа не тождественными. Заявленія эти суть такіе же продукты европейской цивилизаціи, какъ и тѣ, которыми, по старой памяти, восторгаются гг. Пудовиковы съ компаніей. Спрашивается, неужели мы все-таки должны пройти весь путь европейскаго развитія, чтобы затѣмъ вновь придти къ отрицанію его? Я отвѣчу словами графа Толстого, сказанными имъ въ примѣненіи къ другой сферѣ явленій. Намъ давно уже пора къ нему вернуться. Въ статьѣ «О народномъ образованіи» (старой, напечатанной въ IV т. сочиненій) онъ говоритъ: «Мы, русскіе, живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія; наша школа не должна выходить, какъ въ средневѣковой Европѣ, изъ условій гражданственности, не должна служить извѣстнымъ правительственнымъ или религіознымъ дѣламъ, не должна вырабатываться во мракѣ отсутствія контро-

ля надъ ней общественнаго мнѣнія и отсутствія высшей степени жизненнаго образованія, не должна съ новымъ трудомъ и болями проходить и выбиваться изъ того *cercle vicieux*, который столыи времени проходили европейскія школы, *cercle vicieux*, состоящій въ томъ, что школа должна была двигать безсознательное образованіе, а безсознательное образованіе двигать школу. Европейскіе народы побѣдили эту трудность, но въ борьбѣ не могли не утратить многого. Будемъ же благодарны за трудъ, которымъ мы призваны пользоваться, и потому самому не будемъ забывать, что мы призваны совершить новый трудъ на этомъ поприщѣ».

Такимъ образомъ, графъ Толстой, провозглашающій право и обязанность личности бороться съ историческими условіями во имя ея идеаловъ и отрицающій прошлый ходъ европейской цивилизаціи, подаетъ руку послѣднимъ и лучшимъ плодамъ этой цивилизаціи. Эта рука есть десница графа Толстого. Ахъ, если бы у него не было шуйцы!.. Если бы не имѣли повода пристегиваться къ его громкому имени всякіе проходимцы, всякіе пусто-порожные люди и межеумки, по заслугамъ не пользующіеся сочувствіемъ общества... Какой бы вѣсъ имѣло тогда каждое его слово и какое благотворное вліяніе имѣла бы эта вѣскость!..

Какова бы однако ни была шуйца гр. Толстого, но уже изъ предъидущаго видно, до какой степени недобросовѣстно относятся къ нему многіе наши критики, какъ хвалители, такъ и хулители. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, усилія, употребляемыя многими для смѣшенія гр. Толстого со всѣмъ, что только есть темнаго и промзглаго въ нашей литературѣ. По поводу статьи «Отечественныхъ Записокъ» и «Анны Карениной», въ мрачныхъ, поросшихъ плѣсенью, пропитанныхъ гнилью и сыростью подвалахъ «Гражданина» и «Русскаго Мира» раздались радостные вопли. Своды подваловъ тряслись отъ криковъ: нашъ! нашъ! онъ — пѣвецъ священныхъ радостей и забавъ «культурныхъ слоевъ общества» и избочитель «науки, имъ ослушной, суеты и пустоты»! Обитателямъ подваловъ простиительно это ликованіе. Понятно, что имъ лестно пристегнуться къ свѣтлому имени. Понятно также, что имъ не ясенъ истинный характеръ возрѣній гр. Толстого на радости и забавы «культурныхъ слоевъ общества». Много мерзостныхъ подробностей быта этихъ слоевъ изображено въ «Аннѣ Карениной», и обитатели подваловъ, пещерные люди, троглодиты съ гордостью указывали на эти подробности, какъ на нѣчто священное и высокое, нѣчто такое, чего неспособны продѣлать «разночинцы». Еще бы! Но Богъ съ ними, съ пещерными людьми. Имъ многое простится, потому что они почти ничего не понимаютъ. Совсѣмъ иначе приходится взглянуть на статью г. Евгенія Маркова: «Послѣдніе могилыице русской педагогіи», напечатанную въ № 5 «Вѣстника Евроопы». Статьи, болѣе недобросовѣстной, болѣе, скажу прямо, наглой мнѣ давно не приходилось читать. Г. Марковъ—не то, что Петръ Зудотъ-

пинь «Дѣла», величающій себя «Все тѣмъ же». Тотъ простъ и стремителенъ, да и не отрицаетъ нѣкоторыхъ заслугъ гр. Толстого въ дѣлѣ разоблаченія безобразій нашихъ педагоговъ. Г.-же Марковъ тщательно облачается въ полную парадную форму либерализма, ежеминутно брякаетъ шпорами либерализма и потираетъ блестящими эполетами либерализма. Статья пропитана лирическимъ и патетическимъ жаромъ, и, тѣмъ не менѣе, каждая ея строка, такъ сказать, точеная, дѣланная, высиженная съ весьма непохвальною цѣлю. Звономъ и блескомъ, котораго такъ много, что даже въ глазахъ рябитъ и тошно становится, прикрывается не непониманіе, а простая передержка. Но такъ какъ статья эта трактуеть специально о педагогикѣ, то о ней—въ слѣдующій разъ. Надо замѣтить, что авторъ есть тотъ самый г. Марковъ, который нѣкогда полемизировалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» съ гр. Толстымъ и которому послѣдній отвѣчалъ статьей «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». Я узналъ объ этомъ изъ слѣдующаго величественнаго заявленія г. Маркова: «съ гр. Л. Н. Толстымъ мы встрѣчаемся не въ первый разъ. Въ 1862 г. мы напечатали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью подъ заглавіемъ «Теорія и практика ясно-полянскон школы», въ которой сдѣлали по возможности полный анализъ какъ теоретическихъ заблужденій, такъ и практическихъ достоинствъ ясно-полянскон школы. Педагогическій журналъ гр. Л. Н. Толстого закончился отвѣтною статьей на нашу статью и не возобновлялся больше. Мы не были настолько нескромны, чтобы приписать нашему посильному анализу рѣшеніе гр. Толстого прекратить защиту исповѣдуемой имъ теоріи обученія, но все таки надѣялись, что и наши замѣчанія имѣли, вмѣстѣ съ школьнымъ опытомъ гр. Толстого, нѣкоторое вліяніе на измѣненіе его педагогическихъ убѣжденій. Поэтому теперь, когда оказывается, что гр. Толстой вновь поднимаетъ старое копьѣ и выступаетъ съ проповѣдью тѣхъ самыхъ педагогическихъ началъ, которыя выставилъ онъ въ 1862 году, на насъ даже лежитъ нѣкоторая нравственная обязанность не отказываться отъ состязанія и явиться на защиту тѣхъ обще-европейскихъ основъ народнаго обученія, которыя мы отстаивали противъ г. Толстого 12 лѣтъ назадъ».

Право, мнѣ жаль г. Маркова. 12 лѣтъ человекъ былъ убѣжденъ, что онъ убѣдилъ и побѣдилъ, спокойно занимался изученіемъ италянскон живописи, недобросовѣстностью адвокатовъ, красотами Крыма и многими другими предметами, — и вдругъ оказывается, что врагъ и не думалъ класть оружіе! Положеніе истинно трагическое. Я не думаю, однако, чтобы изъ него надлежало выходить при помощи тѣхъ пріемовъ, которые г. Марковъ почему-то называетъ исполненіемъ «нравственной обязанности».

Н. М.

Р. С. Неприкосновенность псевдонима есть едва ли не элементарнѣйшее правило добпорядочнаго литературнаго обще-

житія. Это вполнѣ естественно въ виду тѣхъ многообразныхъ причинъ, которыя могутъ побудить писателя подписывать статьи вымышленнымъ именемъ. Но, даже помимо уважительности этихъ причинъ, разгадываніе псевдонимовъ, будучи само по себѣ самымъ пустымъ времяпровожденіемъ, можетъ вести просто къ ошибкамъ. Я только-что прочиталъ брошюрку г. Венгерова «Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ». Г. Венгеровъ, повидимому, очень тщательно собираетъ свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, и этою-то тщательностью оправдывается, вѣроятно, для него самое безцеремонное разоблаченіе псевдонимовъ. Такъ, онъ объявляетъ, что г. Постный «Дѣла» есть г. Ткачевъ, а г. Радюконъ «Дѣла» и Провинціальный философъ «Недѣли» — г. Шелгуновъ. Кому это нужно, для кого интересно? Это — разъ. Вовторыхъ, даже интересующимся этими мелочами ничто не гарантируетъ вѣрности показаній г. Венгерова. Между прочимъ, онъ приписываетъ мнѣ нѣсколько литературныхъ обозрѣній, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» лѣтомъ прошлаго года и подписанныхъ «Парголовскимъ мизантропомъ» (они были приписаны мнѣ и литературнымъ хроникѣромъ «Недѣли»). Это — ошибка. Положимъ, ошибка неважная, хотя все-таки я вовсе не желаю присвоивать себѣ чужіе труды. Но есть случаи, когда забвеніе элементарныхъ литературныхъ приличій можетъ вести къ очень сквернымъ послѣдствіямъ, и г. Венгерову не мѣшало бы принять это къ свѣдѣнію.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Указаніе причинъ, въ силу которыхъ плоды народнаго труда пропадаютъ напрасно, составленное на основаніи извѣстій газетныхъ корреспондентовъ за первую треть нынѣшняго года: климатъ, — чума, — дикіе звѣри, — эксплуатация чиновниковъ, — эксплуатация посредствомъ обмана, — эксплуатация посредствомъ кредита. — Неустройство въ земскомъ хозяйствѣ: отсутствіе правильной оцѣнки имущества, неправомерное распредѣленіе земскихъ сборовъ, — вольности и прихоти земства. — Отвѣтъ г. Полетяевъ относительно вѣборовъ 17-го марта въ обществѣ взаимнаго кредита.

Недавно газеты извѣщали, что, по поводу яко бы необыкновеннаго празднотлюбія нашего народа, обнаруживающагося въ огромномъ количествѣ праздниковъ, назначена особая комиссія съ цѣлю рассмотреть эти праздники и озаботиться уменьшеніемъ ихъ числа. Если это извѣстіе вѣрно, то несомнѣнно, что комиссія, съ своей точки зрѣнія, найдетъ очень много праздниковъ, которые должны будутъ подлежать уничтоженію. Любопытно только знать: какъ комиссія будетъ приводить свое рѣшеніе въ